

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДИК

Глава II

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ОБОСНОВАНИЯ ПРОЕКТИВНОГО МЕТОДА

- § 1. Обоснование проективного метода принципами холистической психологии
- § 2. Влияние классического и ревизованного психоанализа на обоснование проективного метода
- § 3. Значение исследований “Нового взгляда” для обоснования проективного метода
- § 4. Концепции проекции в обосновании проективного метода
- § 5. Проективный метод в контексте концепции личностного смысла

Глава III

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АППЕРЦЕПТИВНЫЙ ТЕСТ (ТАТ)

- § 1. Основанные положения теории личности Г. Меррея
- § 2. ТАТ: процедура эксперимента, схема анализа и интерпритации по Г. Меррею
- § 3. Основные категории анализа рассказов ТАТ по Д. Рапапорту
- § 4. О некоторых подходах к интерпритации ТАТ: схемы С. Томкинса и М. Арнольд

Глава IV.

МЕТОДИКА ЧЕРНИЛЬНЫХ ПЯТЕН Г. РОРШАХА

- § 1. Описание методики и схема эксперимента
 - Опрос
 - Определение пределов чувствительности
- § 2. Основные приемы шифровки ответов
 - Обозначение локализации ответа
 - Основные детерминанты ответов
- § 3. Интерпритация основных категорий шифровки
 - Психологический смысл локализационных показателей
 - Психологический смысл основных детерминант
- § 4. Интерпритация результатов теста
 - Интерпритация основных показателей теста и их соотношений
 - Аффективность и степень ее контролируемости

Оценка интеллектуальных возможностей

ОСОБЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Диагностика конфликта и механизма защиты

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В связи с возрастающей потребностью в прикладных психологических исследованиях личности проективные методики стали широко использоваться во многих областях психологической практики. Однако не всегда их применение оправдано задачами конкретного исследования, а получаемые результаты интерпретируются в категориях, адекватных представлениям о личности, сложившимся в отечественной психологии. Отсюда следует, что прямое заимствование зарубежных методов личностной диагностики без критического осознания их теоретической базы может повлечь за собой серьезные трудности как теоретического, так и практического характера. Все это обуславливает необходимость длительного и кропотливого труда по разработке теории проективного метода на основе положений советской психологии. Первые шаги в этом направлении предполагают, во-первых, соотнесение принципов и понятий, образующих категориальный аппарат проективного метода с соответствующими им концепциями личности; во-вторых, вычленение той психологической реальности, которая в рамках данной концепции выступает объектом проективного метода; и, наконец, в-третьих, категоризацию этого объекта в понятиях, разработанных в советской психологии.

Однако в какой степени метод или частные методики детерминированы психологической теорией? История развития проективного метода показывает, что он не существует вне теории личности; в то же время связь между проективным методом и теорией не является однозначной и неизменной. Еще более сложны и опосредованы отношения между той или иной теорией и отдельно взятой методикой'. Безусловно, рождение метода в той или иной степени подготовлено уже сложившейся теорией, хотя этот факт может и не вполне осознаваться самими исследователями. В этом случае возникает впечатление, что и методика — не более чем удачная находка ее создателя, часто мало обеспокоенного теоретическими изысканиями. Парадоксальность подобной ситуации выявилась с особенной очевидностью, когда спустя десятилетия после возникновения проективных методик, их связь с основными теориями личности стала предметом методологической рефлексии, т. е. превратилась в особую исследовательскую задачу. Положение осложняется еще и тем, что со временем метод приобретает как бы относительную автономию от породившей его теории и начинает "работать" в иных концептуальных системах. Как правило, это влечет за собой перестройку всего категориального аппарата, а вместе с ним и изменение представлений об изучаемом объекте. Трансформации метода, в свою очередь, вызывают к жизни разнообразные схемы анализа и интерпретации и самих отдельных методик. Например, несмотря на тот бесспорный факт, что и проективный метод, и проективная техника создавались под влиянием психоанализа, он не был их единственной теоретической базой: экспериментальные исследования "Нового взгляда" роли личностных факторов в восприятии, холистические и персонологические идеи К. Левина и Г. Олпорта непосредственно или косвенно отразились в соответствующих концепциях проекции, в содержании интерпретационных схем и самих конструируемых моделях личности. Следовательно, какими бы внетеоретическими не казались технические приемы реализации проективного метода (т. е. проективные методики), все они пронизаны теорией. Это не исключает, конечно, использования некоторой частной методики независимо от исторически детерминировавшей ее теории — проективные методики широко используются за рубежом сторонниками поведенческой психологии, гештальтпсихологии, представителями информационного подхода. Важно подчеркнуть, тем не менее, что неоднозначность, нежесткость связей между теорией, методом и "техникой" отнюдь не означает, что последние могут использоваться вне какой бы то ни было теории. Ведь интерпретация результатов проективных методик есть по существу построение модели личности и, следовательно, будет определяться той теорией, вольным или невольным адептом которой является психолог-экспериментатор.

‘ Вслед за некоторыми авторами, будем различать метод как путь исследования, вытекающий из общих теоретических представлений о сущности изучаемого объекта, и методики как технические приемы реализации метода в целях уточнения или верификации наших знаний об объекте [33].

И если спорными кажутся нам некоторые западные концепции проективного метода, то, безусловно, заслуживают внимания и дальнейшей разработки затронутые в них проблемы. “В любой науке, — пишет Энгельс, — неправильные представления (если не говорить о погрешностях наблюдения) являются в конце концов неправильными представлениями о правильных фактах. Факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными” [1, 20, 476]. Вот почему важна и актуальна задача теоретического обоснования проективного метода в рамках отечественной психологии.

Проективный метод ориентирован на изучение неосознаваемых (или не вполне осознанных) форм мотивации и в этом своем качестве является едва ли не единственным собственно психологическим методом проникновения в наиболее интимную область человеческой психики. Однако реальность бессознательного значительно богаче по своей феноменологии, а также и по возможности ее содержательной интерпретации, чем это представлялось, например, в классическом психоанализе. “Значащие переживания”, “личностные смыслы” и другие образования, в которых проявляется пристрастность психического отражения, не будучи презентированы сознанию, могут не выявляться и при непосредственном обращении к данным самоотчетов или наблюдении поведения. Проективные методики позволяют опосредованно, моделируя некоторые жизненные ситуации и отношения, исследовать эти личностные образования, выступающие прямо или в форме различных личностных установок.) Если большинство психологических приемов направлено на изучение того, как и за счет чего достигается объективный характер отражения человеком внешнего мира, то проективные методики ставят своей целью выявление своеобразных “субъективных отклонений”, личностных “интерпретаций”, причем последние далеко не всегда объективны, но, всегда как правило, личностно значимы.

Предложенный здесь подход, конечно, не является единственно возможным. Теоретико-методологическое обоснование проективного метода — важная, но не единственная задача. Требуют дальнейшей разработки и такие вопросы, как диагностика с помощью проективных методик индивидуального стиля личности, создание схем анализа и интерпретации в рамках деятельностного подхода и многие другие. Работы в этом направлении ведутся группой сотрудников и студентов факультета психологии МГУ.

Книга познакомит студентов с основными направлениями в области проективных исследований, с дискуссионными проблемами и различными подходами к их разрешению и поможет выработать объективную оценку проективных методик и выявить возможности их применения.

ГЛАВА I

Общая характеристика и классификация проективных методик

Проективные методики представляют собой специальную технику клинико-экспериментального исследования тех особенностей личности, которые наименее доступны

непосредственному наблюдению или опросу. Термин “проективные” был впервые использован Л. Френком в 1939 г. для объединения уже известных к тому времени, но, казалось бы, таких чрезвычайно далеких друг от друга методических приемов, как ассоциативный тест Юнга, тест Роршаха, ТАТ и других [48]. Выделив некоторые формальные признаки, присущие большинству проективных методик, Френк попытался дать им классификацию; с некоторыми дополнениями эта классификация принимается и в настоящее время [37; 81]. Различают следующие группы проективных методик.

Методики структурирования: тест чернильных пятен Роршаха, тест облаков, тест трехмерной проекции.

Методики конструирования: MAPS, тест мира и его разнообразные модификации.

Методики интерпретации: ТАТ, тест фрустрации Розенцвейга, тест Сонди.

Методики дополнения: неоконченные предложения, неоконченные рассказы, ассоциативный тест Юнга.

Методики катарзиса: психодрама, проективная игра.

Методики изучения экспрессии: анализ почерка, особенностей речевого общения, миокинетическая методика Мира — и — Лопеца.

Методики изучения продуктов творчества: тест рисования фигуры человека (варианты Гуденау и Махвер), тест рисования дерева К. Коха, тест рисования дома, рисунок пальцем и т. д.

Все перечисленные методики, по Френку, объединяет способность отражать как на экране наиболее существенные аспекты личности в их взаимозависимости и целостности функционирования. Эти методики характеризует также общность формального построения и сходство в стратегии проективного эксперимента: поведении психолога-исследователя, подборе стимульного материала, постановке диагностических задач.

Принято говорить о следующих отличительных признаках проективных методик:

1) так называемая неопределенность стимульного материала или инструкции к заданию, благодаря чему испытуемый обладает относительной свободой в выборе ответа или тактики поведения;

2) деятельность испытуемого протекает в атмосфере доброжелательности и при полном отсутствии оценочного отношения со стороны экспериментатора. Этот момент, а также то, что испытуемый обычно не знает, что в его ответах диагностически значимо, приводят к максимальной проекции личности, не ограничиваемой социальными нормами и оценками;

3) проективные методики измеряют не ту или иную психическую функцию, а своего рода

модус личности в ее взаимоотношениях с социальным окружением [40;48;76].

Формальные характеристики проективных приемов, не давая оснований для однозначного соотнесения их с какой-то определенной теоретической схемой, тем не менее обуславливают особую стратегию исследования'. Прежде всего это касается поведения экспериментатора и испытуемого: экспериментатор из нейтрального регистратора ответов испытуемого должен стать его партнером, доброжелательным и понимающим собеседником; испытуемый же в такой ситуации (даже при отсутствии специально поставленной психотерапевтической задачи) переживает своеобразный "катарзис", Само собой разумеется, успех проективного исследования во многом зависит от личности экспериментатора, его умения расположить к себе испытуемого и ряда других факторов, возникающих в подобном общении [34; 44].

Основные принципы проективного исследования сложились в борьбе, с одной стороны, с традиционной экспериментальной психологией, "стерилизовавшей" условия эксперимента в целях достижения максимальной объективности, с другой стороны — с тестовыми психометрическими исследованиями, игнорировавшими индивидуальные особенности личности и способы достижения тех или иных результатов. В определенном смысле принцип построения проективного эксперимента близок принципу "функциональной пробы", развиваемому в отечественной психологии, согласно которому эксперимент моделирует "не только умственные операции больного, но и его личностное отношение" [12, 33].

Стимульный материал, используемый в проективных методиках, как правило, не безразличен испытуемому, так как вследствие апелляции к прошлому опыту приобретает тот или иной личностный смысл. Изображения драматичных жизненных ситуаций, лица людей, предметы, ассоциирующиеся с аффектогенными ситуациями (например, пистолет, могильные плиты), эмоционально окрашенные слова или предложения обращены к тем или иным индивидуально значимым переживаниям личности. Неопределенность, составляющая одно из основных условий деятельности испытуемого, способствует тому, что поведение более чем когда-либо детерминруется не конвенциональными нормативами, а собственной системой мотивов, ценностей, диспозиций человека [34; 42; 48]. К обсуждению этого положения, чрезвычайно важного для теоретического обоснования самого проективного метода, мы еще вернемся.

Преимущественное использование проективных методик для изучения неосознаваемых форм психической деятельности объясняется спецификой клинических и параклинических задач, решаемых с их помощью. Как известно, эти методики создавались для клинических целей и в своих классических вариантах используются главным образом в клинике неврозов². Однако в отличие от отечественной в зарубежной психологии термин "клинические методы" не имеет специфического значения; он указывает прежде всего, что исследование ориентировано на выявление индивидуальных, "уникальных" способов адаптации личности к социальному окружению и себе самой [74]. Проективные методы являются клиническими именно в этом смысле: специально подобранная батарея методик способна ответить на такие важные вопросы, как стиль взаимоотношения личности с другими людьми (конформность, лидерство, авторитарность, демократизм и т. д.); ее ведущие мотивы и пути их реализации, степень гармоничности или конфликтности аффективной сферы, средства разрешения внутренних и внешних конфликтов; самооценка, мера ее осознанности, адекватности, гибкости и т. д. Бесспорно, что богатством получаемого материала проективные методики выгодно отличаются от других более популярных в общепсихологических исследованиях методов, например опросников. Вместе с тем такие широко известные методики, как ТАТ или тест Роршаха в своих оригинальных вариантах чрезвычайно сложны и громоздки, предполагают высокий уровень мастерства экспериментатора и одновременно не свободны от его субъективизма при интерпретации результатов. Одной из попыток избежать указанных недостатков является исследовательская работа в направлении стандартизации проективных методик и создания их модификаций. Так, возникли известные варианты ТАТ Мак-Клеланда и Хеккаузена, упрощенные варианты теста Роршаха, тест фрустрации Розенцвейга и некоторые другие. В отличие от классических вариантов эти методики не претендуют на охват личности в целом, а исследуют те или иные личностные "переменные", например, конкретные мотивы или реакции на "преградные" ситуации. Варианты проективных методик, как правило, создаются для решения каких-то исследовательских задач, в соответствии с чем разрабатывается и адекватный данной задаче способ анализа и интерпретации результатов.

Так, например, в исследованиях Виткина с целью выявления индикаторов полнезависимости (полнезависимости) материалы ТАТ, теста Роршаха, теста рисования человека подвергались специальной обработке, в результате чего были получены операциональные показатели личностного стиля [82; 83]. Конкретными исследовательскими задачами обусловлено и внедрение некоторых вариантов проективных методик в общую, социальную психологию, их использование в педагогической, спортивной психологии.

²Проективные методики применяются и в целях дифференциальной диагностики (Рапапорт, Шафер, Оберхольцер, Бом), хотя вопрос о патогномоничности показателей проективных методик недостаточно ясен.

Большинство проективных методик или проективных “техник”, как их иногда предпочитают называть, не являются, по-видимому, тестами в узком понимании этого термина. Согласно одному из принятых определений, “психологический тест — это стандартизированный инструмент, предназначенный для объективного измерения одного или более аспектов целостной личности через вербальные или невербальные образцы ответов или другие виды поведения” [49, 46]. Исходя из этого определения, наиболее существенными признаками тестов являются:

1. Стандартизованность предъявления и обработки результатов.
2. Независимость результатов от влияния экспериментальной ситуации и личности психолога.
3. Сопоставимость индивидуальных данных с нормативными, т. е. полученными в тех же условиях в достаточно репрезентативной группе.

В настоящее время далеко не все проективные методики и не в равной степени удовлетворяют выделенным критериям. Так, общепринятым является мнение о недостаточной объективности проективной техники; при этом ссылаются на многочисленные наблюдения и эксперименты, доказывающие влияние на тестовые результаты таких факторов, как пол экспериментатора, ситуативные установки и переживания испытуемого, атмосфера исследования [34; 44; 49]. Для целого ряда проективных методик отсутствуют нормативные данные; более того, некоторыми исследователями оспаривается принципиальная возможность их существования для подобного рода “идеографических” методов. Чрезвычайно важным и, до сих пор дискуссионным остается вопрос о стандартизованности проективных методик. Остановимся на нем подробнее. В отличие от тестов интеллекта или способностей при проективном испытании практически невозможно полностью унифицировать и стандартизовать не только анализ и интерпретацию результатов, но даже и саму процедуру исследования. Ведь совершенно различно поведение экспериментатора с робким, сензитивным или спокойным, уверенным субъектом, с таким, который открыт, активно ищет помощи, или с тем, кто “защищается” при малейших попытках проникнуть в его внутренний мир. Хотя в любом капитальном руководстве и описываются наиболее распространенные стратегии поведения экспериментатора, они, конечно же, не охватывают всего многообразия конкретных случаев. К тому же жесткая формализация и стандартизация, как указывает ряд исследователей, противоречила бы самому духу проективной техники и была бы не оправдана. Сошлемся в связи с этим на высказывание Лоуренса Френка, одного из

крупнейших теоретиков в этой области: “...нельзя надеяться, что стандартизованная процедура сможет широко осветить индивидуальную личность как уникальную индивидуальность. Она также не сможет способствовать проникновению в динамические процессы личности” [по: 7, 48]. И У тем не менее исследования по стандартизации проективных методик необходимы, так как без них затруднительна оценка валидности и надежности последних. Анализируя обширную и весьма противоречивую литературу, можно заключить, что согласно традиционным способам оценки проективные методики имеют средние показатели валидности и надежности [10; 49; 78]. Подобный вывод может объясняться однако и тем, что критерии валидности и надежности, разработанные для традиционных тестов, вообще не применимы в данном случае. Учитывая потребности практики, а также тенденции развития исследовательского инструментария современной психологии, можно, повидимому, прогнозировать постепенное сближение проективных методик с тестами. Работа в этом направлении, если она будет выполняться совместно квалифицированными клиническими психологами и специалистами в психометрике, позволит расширить сферу применения проективных методик и сделает их достоянием широкого круга исследователей.

ГЛАВА II

История развития и обоснования проективного метода

Проективные методики находят применение сейчас во многих областях общей и прикладной психологии. Вместе с тем вопрос об их теоретической обоснованности до сих пор остается дискуссионным [8; 9; 15; 23; 27; 32]. Интерес к проективной теории и методологии, как и постановка проблемы обоснования проективного экспериментирования, объясняется историей развития проективной техники. Методики создавались в разное время, на протяжении почти пятидесяти лет, причем одни — чисто эмпирическим путем, другие — на основе общепсихологических или частных концепций. Кроме того, их возникновение было связано с потребностями сугубо клинической психологии, т. е. отвечало довольно узкому кругу задач диагностики дезадаптированной личности. Со временем, однако, методики начинают использоваться более широко как средства диагностики прежде всего индивидуальных особенностей личности. Такая переориентированность, расширение сферы применения проективных методик с необходимостью повлекла за собой процесс их теоретической и методологической рефлексии: поиск наиболее общих принципов и понятий, анализ категориальной системы с целью доказательства ее внутренней непротиворечивости и т. д. Решение этих задач и составляет содержание исследований, направленных на обоснование проективного метода¹.

Настоящая глава посвящена критическому анализу обоснований, существующих в зарубежной литературе. Акцентирование методологического аспекта при изложении конкретного материала продиктовано рядом соображений. Во-первых, квалифицированное овладение той или иной методикой неотделимо от критического осознания ее теоретической основы; во-вторых, при заимствовании из арсенала зарубежной психологии методик личностной диагностики невозможен их автоматический перенос в систему понятий отечественной психологии.

Проективный метод формировался на всем протяжении развития проективной техники, что стало причиной множественности его обоснований в различных психологических

системах. Можно говорить о трех источниках проективного метода: холистической психологии, психоанализе и экспериментальных исследованиях New Look².

¹Теоретически обосновывать имеет смысл именно метод, поскольку причастность к теории отдельной методики менее очевидна.

²Поскольку эксперименты New Look интерпретировались в духе психоанализа, они будут изложены в § 2.

Из категориального аппарата этих направлений проективная психология заимствовала свои основные понятия, под их влиянием складывались общие принципы проективного исследования и частные схемы анализа результатов. Вместе с тем это обусловило и определенный методологический эклектицизм проективной психологии, недостаточную четкость, приблизительность многих ее постулатов. Цель последующего изложения как раз и состоит в том, чтобы выявить вклад указанных психологических направлений в формирование понятийной системы проективного метода.

§ 1. ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТИВНОГО МЕТОДА ПРИНЦИПАМИ ХОЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Связь проективной психологии с идеями К. Левина, Г. Олпорта не раз подчеркивалась зарубежными исследователями [34; 69]. В частности, она выступает в следующих положениях проективной психологии:

1. Целостность личности как единого “организма”, взаимосвязанность отдельных ее “частей” (функций), их детерминированность “личностным контекстом”.

2. Единство личности и социальной среды, их неразрывность и постоянное взаимодействие.

3. Предмет проективного исследования — не объективные отношения личность — среда, а их субъективная концептуализация индивидом.

4. Личность — это саморегулирующаяся система, цель которой — организация субъективного опыта в соответствии с адаптивными задачами.

5. Личность — это уникальная система познавательных процессов, потребностей, черт и способов адаптации, образующих ее индивидуальный стиль.

С позиций холистической психологии проективный метод — это средство изучения путей и способов организации индивидом своего физического и социального опыта, субъективных представлений о себе и своем социальном окружении. Впервые эта точка зрения была сформулирована Л. Френком в 1939—1948 гг. В своей концепции Френк исходит из тезиса о неразрывности и постоянном взаимодействии личности и среды. Так же как любой организм поглощает из внешнего мира вещества, необходимые для своей жизнедеятельности, и превращает их затем в собственную субстанцию, так и личность “поглощает” внешние стимулы и реагирует на них согласно собственному “личному миру” (private world). Личность как динамический процесс есть постоянная активность в создании, поддержании и защите своего “личного мира”. “Личный мир” — это полностью

субъективная система мнений, верований, идей, желаний и потребностей индивида, которые ориентируют его поведение во внешнем мире и которыми определяются его восприятия. “Личный мир” представляет собой устойчивую конфигурацию аффективных реакций и социальных установок, которая налагается индивидом на все жизненные ситуации, придавая неповторимость, уникальность всему его поведению (в широком смысле слова). Уникальность личности, согласно Френку, исключает ее изучение путем выявления некоторых общих закономерностей и их сопоставления со “средней” личностью. Задача психолога состоит в том, чтобы проникнуть во внутренний мир конкретной личности (идеографический подход по Г. Олпорту). Этой цели и служат проективные методики; они, подобно X-лучам или кинопроектору, позволяют обнаружить “личный мир” испытуемого.

Согласно принципу изоморфизма, взаимодействие индивида с окружающим миром, а также процесс образования и функционирования “личного мира” может быть описан в единой терминологии как структурирование “жизненного пространства”. Чем менее жестко оно оформлено, чем больше его неопределенность, тем в большей степени его структурирование детерминировано индивидуальными особенностями личности. Ценность и главное назначение проективных методик — выявление присущих личности способов структурирования ее “жизненного пространства”, ее субъективного внутреннего мира.

Подход Френка привлекает внимание прежде всего как первая попытка методологической рефлексии проективной техники. Вместе с тем в нем недостаточно представлен собственно содержательный анализ механизма проекции и того процесса, посредством которого достигается изоморфизм “внешнего” и “внутреннего” мира. Если принять принцип изоморфизма за исходное, как это делает Френк, то следовало бы всякую деятельность человека считать проективной. Конечно, с этим можно было бы согласиться, если рассматривать деятельность как экстерииоризацию “сущностных сил” человека (Маркс) или как выражение “пристрастного” (Леонтьев) характера отражения. Однако Френк ограничивается формальными определениями, что в значительной степени снижает ценность предложенного им обоснования проективного метода. Для последующего изложения важно подчеркнуть здесь три момента:

проективный метод понимается им как способ изучения индивидуальных проявлений личности; проективные методики вскрывают не объективные реально существующие качества личности и ее отношения с внешним миром, а то, как они воспринимаются самой личностью; и, наконец, проективность детерминирована неопределенностью стимульного материала методик. Эти положения представляются особенно важными для понимания основных принципов проективного метода; к их обсуждению мы будем возвращаться и в дальнейшем.

По общему признанию, холистическая психология оказала значительное влияние на теорию и методологию проективного исследования. Однако, несомненно, более значительным явился вклад психоанализа, так что последний может считаться главным теоретическим источником проективного метода. Основные категории анализа и интерпретации проективного материала такие, как “конфликт”, “фрустрация”, “защита” и многие другие впервые были введены и детально разработаны в русле психоанализа. В его теориях мы находим также наиболее фундаментальное развитие проективной методологии и самого принципа проекции. В этой связи остановимся на тех положениях психоанализа, классического и так называемой психологии “Эго”, которые в той или иной мере вдохновляли создателей проективной техники и формировали ее понятийный аппарат.

§ 2, ВЛИЯНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО И РЕВИЗИОННОГО ПСИХОАНАЛИЗА

НА ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТИВНОГО МЕТОДА

Как известно, З. Фрейд различал первичные психические процессы — воображение, сновидения, грезы и вторичные — мышление, восприятие и др. Первичные процессы мотивированы, тесно связаны с аффектом; в них находят свое выражение глубинные бессознательные тенденции личности; регулирует и управляет этими процессами так называемый “принцип удовольствия”. Детерминированные им процессы не знают социальных и культурных запретов, сознательных целей; в них происходит непосредственная разрядка энергии либидозных влечений. Иная природа у вторичных процессов: в них реальный мир отражается более “объективно” и как бы независимо от аффективного отношения индивида.

Самого Фрейда, особенно в ранний период формирования теории психоанализа, интересовали первичные процессы. В частности, воображение и любая другая творческая деятельность рассматривались как самовыражение личности и прежде всего — ее нереализуемых бессознательных потребностей и мотивов. Фантазия выполняла, таким образом, функции двоякого рода: она компенсировала неутоленные желания их галлюцинаторным удовлетворением и одновременно, благодаря их “объективации” в продуктах творчества “очищала”, создавала катарзический эффект. По-видимому, эти идеи раннего психоанализа оказали самое непосредственное влияние на понимание природы и задач проективного исследования. Во всяком случае кажется неслучайным, что именно в период расцвета психоанализа Г. Роршах обнаруживает связь между фантазией и глубинными проявлениями личности. Еще более недвусмысленна позиция Г. Меррея, видевшего цель ТАТ в выявлении неосознаваемых (латентных) потребностей и конфликтов. Меррей, следовательно, отождествлял процесс восприятия неопределенных изображений с фантазированием в его фрейдовском понимании, из чего, в частности, следовало, что содержание апперцепции находится в прямо пропорциональной зависимости от силы доминирующей потребности.

С целью экспериментальной проверки этой гипотезы сторонниками “аутистической” концепции восприятия был проведен специальный цикл исследований [62; 64; 75].

В качестве экспериментальной модели использовалась диагностика пищевой потребности на разных этапах ее депривации¹. Результаты позволили сформулировать ряд положений относительно динамики выраженности фрустрируемой потребности в проективной продукции. Во-первых, было показано, что испытуемые до еды дают значительно больше “пищевых” ответов, чем после еды, и, следовательно, можно сделать вывод о непосредственной зависимости между силой потребности и ее проективным выражением. Однако последующие исследования уточнили это положение: оказалось, что после суточного периода голодания количество “пищевых ответов” уже не возрастало, а уменьшалось, что свидетельствовало о вмешательстве специального механизма контроля, работающего против выражения потребности. Аналогичные результаты получили и другие авторы. Р. Левин и его сотрудники предположили, что возрастание “пищевых ответов” представляет функционирование “первичного” процесса, а их уменьшение показывает действие “вторичного” процесса, ориентированного на реальность, процесса, который подавляет фантазии, связанные с едой, когда они становятся чрезмерно интенсивными и потенциально разрушающими.

Итак, на ранних этапах своего развития проективный метод связывался с идеей “первичных” процессов и их символического удовлетворения в продуктах фантазии [65]. Экспериментальная проверка этой гипотезы дала между тем неоднозначные результаты;

необъясненным оставался факт уменьшения апперцептивных ответов с увеличением времени депривации. Однако эти данные не могли быть адекватно интерпретированы в рамках концепции первичных процессов. Следовало предположить иное, а именно, что восприятие неопределенных изображений активизирует не столько свободную фантазию испытуемого, сколько его познавательные (вторичные) процессы, и, следовательно, судьба потребности будет определяться не “принципом удовольствия”, а “принципом реальности”. Иначе говоря, должна происходить “задержка” в непосредственном удовлетворении потребности в силу вовлеченности механизмов защиты и контроля.

Термины “психологическая защита”, “контроль” использовались уже З. Фрейдом, однако свою популярность в проективной психологии они получили благодаря развитию новых направлений ревизованного психоанализа и экспериментальных исследований, получивших название “New Look”. С ними связан следующий этап в формировании концептуального аппарата проективной методологии, а также и самой практики проективного исследования [57; 71; 72; 77 и др.]. Именно поэтому целесообразно напомнить содержание этих понятий, прочно вошедших в современную психологию.

Постановка проблемы психологической защиты принадлежит З. Фрейду, и первоначальная ее разработка связана с изучением метаморфозы либидозных влечений и генеза невротических симптомов. В его ранней концептуальной схеме (сознательное — предсознательное — бессознательное) механизмы защиты выступали как средства разрешения конфликта между сознанием и бессознательным, как способы “канализирования” энергии либидо в социально приемлемые формы деятельности. Однако начиная с 20-х годов, в связи со все возрастающим интересом к социальным детерминантам личности, Фрейд большое внимание уделяет изучению “принципа реальности”, его роли в ходе развития личности и ее приспособления к социальному окружению [29; 30; 31]. Исходя из разработанной им в то время структуры личности (“Ид”, “Эго”, “супер-Эго”), психологическая защита рассматривается как основная функция “Эго”, отвечающая целям интеграции и адаптации. Перед лицом реальности, когда удовлетворение требований “Ид” возможно далеко не всегда, “Эго” пускает в ход специальные механизмы “задержки” влечений — вытеснение, сублимацию и т. д. Угроза целостности личности может исходить также из инстанции “супер-Эго”, представляющей собой систему интериоризованных норм и запретов. Понятно, что “Эго” приходится быть большим дипломатом, по остроумному выражению одного из исследователей, удовлетворяя и укрощая двух господ одновременно.

Подчеркнем, что, по Фрейду, защитные механизмы врожденны, запускаются в экстремальных ситуациях и выполняют функцию “снятия” внутреннего конфликта. В других концепциях природа и функции психологической защиты трактуются несколько иначе.

Согласно А. Фрейд, “Эго” представляет собой не столько врожденную, сколько развивающуюся в ходе жизни ребенка структуру. Опасность, грозящая “Эго” (потеря целостности), идет как со стороны инстинктивных влечений, так и из внешнего мира. В этих условиях процесс развития “Эго” заключается в приобретении все более совершенных способов защиты от внешних и внутренних конфликтов. Тем самым снижается до границ толерантности уровень тревожности, исчезает субъективное чувство дискомфорта, препятствующие процессу адаптации. Более “тонким” механизмам защиты соответствует большая зрелость личности и более эффективная ее адаптация. Механизмы защиты формируются в период детства; их индивидуальный набор зависит от многих факторов —

внутрисемейной ситуации, отношений ребенка с родителями, в частности, демонстрируемых ими паттернов защитного реагирования и, конечно, от тех конкретных обстоятельств жизни, с которыми ребенок встречается [50].

Таким образом, А. Фрейд вносит существенные коррективы в предшествующую концепцию: во-первых, акцентируется роль механизмов защиты в разрешении внешних, т. е. социогенных конфликтов; во-вторых, механизмы защиты рассматриваются как продукты развития и научения; в-третьих, указывается, что набор защитных механизмов индивидуален и характеризует уровень адаптированности личности.

Современный психоанализ насчитывает свыше двадцати видов защитных механизмов, различающихся по степени эффективности, зрелости, а также в зависимости от локализации конфликта: в сфере влечений, моральных установок или внешней реальности [40; 58; 66; 79]. Дадим краткое описание тех из них, диагностика которых возможна проективными тестами.

Вытеснение — наиболее универсальное средство избежания внутреннего конфликта. Его цель — устранение из сознания социально неприемлемых влечений. Однако вытесненные и подавленные влечения дают о себе знать в невротических и психосоматических симптомах, например в фобиях и конверсиях, а также в “психопатологии обыденной жизни” — обмолвках, описках, неловких движениях и юморе. Вытеснение считается наиболее примитивным и малоэффективным средством защиты, так как, во-первых, вытесненное содержание психики все-таки прорывается в сознание и, во-вторых, неразрешенный конфликт обнаруживает себя высоким уровнем тревожности и чувством дискомфорта. Вытеснение характеризует инфантильность, незрелость личности; чаще всего встречается у детей и истероидных невротиков.

Отрицание реальности — частный случай вытеснения: “Эго” отвергает существование ситуаций, несущих тревогу или заменяет их компенсаторно на воображаемые, например бегством в грезы.

Реактивное образование — замена “Эго” — неприемлемых тенденций на прямо противоположные. Например, преувеличенная любовь ребенка к одному из родителей может быть преобразованием социально недопустимого чувства ненависти к нему.

Регрессия — так же, как и вытеснение, механизм универсального действия, это возврат на более раннюю стадию развития или к более примитивным формам поведения, мышления. Например, истерические реакции типа рвоты, сосания пальцев, детского лепета, излишняя сентиментальность, предпочтение “романтической любви” и игнорирование сексуальных отношений у взрослого человека и т. д. Этот механизм пускается в ход, когда “Эго” не в состоянии принять реальность такой, какая она есть, или личность не в состоянии справиться с требованиями “супер-Эго”, или там, где другие защитные механизмы не эффективны. Регрессия, так же как образование реакции, характеризует инфантильную, как правило, невротическую личность.

Более зрелое “Эго” вырабатывает более специфические и нюансированные механизмы защиты. Оговоримся, что не существует единой классификации механизмов защиты по

критерию зрелости “Эго”.

Изоляция — отделение аффекта от интеллекта; неприятные эмоции блокируются, так что связь между каким-то событием или мыслительным содержанием и его эмоциональной окраской в сознании не выступает. По своей феноменологии этот вид защиты напоминает известный психиатрам “синдром отчуждения”, для которого характерно чувство утраты эмоциональной связи с другими людьми, ранее значимыми событиями или собственными переживаниями, хотя их реальность и осознается.

Идентификация — защита от объекта, вызывающего страх, путем уподобления ему. Так, мальчик бессознательно старается походить на отца и тем самым заслужить его любовь и уважение. Благодаря идентификации достигается также символическое обладание желаемым, но недостижимым объектом (Эдипов комплекс). В расширительном толковании идентификация — неосознаваемое следование образцам, идеалам, позволяющее преодолеть собственную слабость и чувство неполноценности. Считается, что идентификация может происходить с любым объектом — другим человеком, животным, неодушевленным предметом, идеей и т. д. Язык богат иллюстрациями подобных идентификаций: говорят “силен как бык”, “стоишь как пень” или “утонуть в чужой душе”, “окунуться в работу”, “вчувствоваться”, “вдумываться”, “быть поглощенным чем-то” и т. д.

Рационализация — псевдоразумное объяснение человеком своих желаний, поступков, в действительности вызванных причинами, признание которых грозило бы потерей самоуважения. Наиболее яркие феномены рационализации получили названия “кислый виноград” и “сладкий лимон”. Первый — известен по басне И. А. Крылова “Лиса и виноград”; защита по типу “сладкого лимона” имеет своей целью не столько дискредитацию недостижимого объекта, сколько преувеличение ценности имеющегося в данный момент, — по известному принципу “лучше синица в руке, чем журавль в небе”.

Сублимация — защита посредством десексуализации первоначальных импульсов и преобразования их в социально-приемлемые формы активности. Например, агрессивность может сублимироваться в спортивных играх, эротизм — в дружбе, эксбиционизм — в привычке носить яркую, бросающуюся в глаза одежду и т. д.

Проекция — приписывание другим людям вытесненных переживаний, черт характера. В межличностных отношениях иногда выступает в виде феномена “козла отпущения”. Предполагается, что к проекции предрасполагают такие черты характера, как недоверчивость, подозрительность, фанатизм. Ввиду особого места, которое занимает это понятие в обосновании проективного метода, мы вернемся к проблеме проекции в § 4.

Механизмы психологической защиты, перечисленные выше, являются, как правило, средством разрешения временно действующего конфликта. Личность в принципе обладает довольно широким ассортиментом защитных механизмов; в то же время можно говорить об индивидуально-типологических различиях в защитном реагировании. Этот момент особенно подчеркивается в теориях неопрейдизма, где концепция защитных механизмов тесно связана с проблемой характерообразования, личностной типологией.

Резюмируя вышеизложенное, обратимся к понятию “конфликт”, центральному не только

в психоаналитических концепциях защиты, но и в большинстве схем анализа и интерпретации проективных методик. Психоанализ исходит из противопоставления биологического и социального в личности, в свою очередь обусловленного изначальным антагонизмом человека и общества. Принятие этого постулата приводит к очень важным следствиям. Прежде всего, различаются и противопоставляются друг другу так называемые аутистические и социогенные потребности индивида, вызванные к жизни требованиями реальности, т. е. общественной деятельностью человека³. Поскольку удовлетворению аутистических потребностей противостоит общество с его социальными и культурными запретами, само существование человека превращается в бесконечную цепь временных и хронических конфликтов. Не только инстинктивные биологические влечения не могут быть реализованы, но и такие чисто человеческие потребности, как стремление к эмоциональным контактам с другими людьми, потребность в теплоте, безопасности, нежности и т. д. Фрустрация последних особенно опасна: недополучивший свои меры тепла человек разучается сам отдавать тепло. Нередко следствием этого являются социопатические или невротические изменения характера и поведения, формируется защитный “стиль жизни”: человек становится холодным, жестоким, циничным. Вместе с тем из дуализма биологического и социального в личности вытекает постоянная дезинтегрированность и борьба “низших” и “высших” мотивов, инстинктивных влечений “Ид” и моральных требований “супер-Эго”, что, в свою очередь, также порождает многообразные внутренние конфликты. Для ликвидации последних личность опять-таки вынуждена прибегать к помощи защитных механизмов, как правило, лишь смягчающих травматическое воздействие конфликта, но не устраняющего его причину. Результат поистине титанических усилий “Эго” тем не менее ничтожен — человек все равно обречен на невроз, психосоматические заболевания или социопатии.

³Нет нужды говорить здесь о методологической неправомерности подобной дихотомии. Из факта возможного несовпадения потребностей отдельной личности и общества не следует признание антагонистического характера их взаимоотношений.

Традиционно используемые в проективной психологии понятия “психологическая защита”, “конфликт” оказываются тесно связанными с основными теоретическими и методологическими положениями психоанализа⁴ в силу общности подхода к пониманию сущности самого объекта изучения — личности и ее взаимоотношений с социальной средой. Личность рассматривается как арена борьбы двух факторов — биологических и социальных, бессознательных влечений и социальных и культурных требований общества. Обобщенный портрет такой личности — невротическая, непринадлежащая себе личность, находящаяся во власти никогда не разрешаемых конфликтов, отчужденная не только от других людей, но и от своей собственной природы компульсивным действием бессознательных защитных механизмов. Введение в теорию и практику проективных исследований понятий “защита”, “конфликт” в их психоаналитическом понимании означало принятие и соответствующей модели личности. Следует отметить, однако, что в период своего формирования концепции психологической защиты не выходили за пределы клинических фрейдистских и неопрейдистских направлений; проективной психологией они были ассимилированы позднее, благодаря экспериментальным работам в области восприятия, известным под названием New Look (Новый взгляд)⁵. Мы не раз освещали исследования New Look в наших публикациях [20; 25; 26; 27], поэтому здесь коротко остановимся лишь на основных выводах, имеющих непосредственное отношение к проблеме психологической защиты.

⁴Сказанное не означает, что эти понятия не могут иметь иного (не психоаналитического) содержания. Хорошо известны исследования К. Левина, в которых природа конфликта выводится из динамики “квази+потребностей” и “барьеров” в “психологическом поле”; по существу, им были описаны и различные виды психологических защит как способов “преодоления преград” и “выхода из поля” [61]. В отечественной психологии теоретической разработке проблемы конфликта и защиты посвящены работы Ф. В. Бассина, который предлагает интерпретировать эти понятия в терминах “значащих переживаний” и “установок” [3, 4]. Однако в рабочие схемы анализа и интерпретации проективных методик эти понятия входят, как правило, в своем традиционно психоаналитическом толковании — как средства ликвидации конфликта между требованиями “Ид” (агрессией и сексуальностью) и запретами “сверх-Я”.

⁵Исключение составляют многолетние исследования Рапапорта, Шафера и Джилла в духе психологии “Эго”, о которых будет сказано ниже.

3. ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ “НОВОГО ВЗГЛЯДА” ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ ПРОЕКТИВНОГО МЕТОДА

В многочисленных экспериментах New Look было показано, что восприятие эмоционально значимого, но социально-запретного материала (“слов-“табу”, сюжетных картин) в условиях технической затрудненности процесса его опознания (тахистоскопическое предъявление, использование “шумов”) может подвергаться значительным флуктуациям. Это касается как порога опознания, так и воспринятого содержания. Для объяснения этих феноменов выдвигалась гипотеза о трех механизмах селективности восприятия [42; 43].

I. Принцип резонанса — стимулы, релевантные потребностям, ценностям личности воспринимаются правильной и быстрее, чем не соответствующие им.

II. Принцип защиты — стимулы, противоречащие ожиданиям субъекта или несущие информацию, потенциально враждебную “Эго”, узнаются хуже и подвергаются большему искажению.

III. Принцип сенсibilidadности — стимулы, угрожающие целостности индивида, могущие привести к серьезным нарушениям в психическом, функционировании, узнаются быстрее всех прочих.

После того как в одной из своих работ Брунер специально подчеркнул близость экспериментальной схемы, используемой New Look парадигме проективного исследования, Эриксен и Лазарус опубликовали данные о действии перцептивной защиты и сенсibilизации в тестах Роршаха и ТАТ [45; 46; 47; 59]. Согласно точке зрения этих авторов, обнаруженные перцептивные феномены представляют собой частный случай действия механизмов психологической защиты, ранее описанных клиническим психоанализом.

Экспериментальные данные показали существование индивидуальных различий в реагировании на стрессогенный материал. Так, можно говорить о “репрессорах”, людях истероидного склада с вытеснением в качестве преимущественного типа защиты. Их

поведение в жизни, характер отношений с окружающими людьми, познавательные процессы имеют ряд общих черт: избегание эмоционально насыщенных ситуаций, “забывание” событий, связанных с собственными неудачами, амбивалентные чувства к родителям, сексуальным проблемам и социальным явлениям; для них характерен высокий уровень тревожности, ригидность мышления и восприятия и т. д. Испытуемые с подобным набором личностных особенностей чаще всего и демонстрируют феномен перцептивной защиты. Иной тип поведения отличает людей, склонных к изоляции или рационализации. В конфликтных ситуациях они не уклоняются от встречи с угрозой, а нейтрализуют ее, интерпретируя безболезненным для себя образом; они инициативны в отношениях со своим социальным окружением; могут понять и принять себя такими, какие они есть и т. д. Лазарус, Эриксен и Фонда показали, что испытуемые подобной типологии раньше других опознают отрицательно аффектогенные стимулы, т. е. пускают в ход механизм сенсильности [60].

Благодаря исследованиям New Look вопрос о возможности прямой диагностики потребностей по данным проективных тестов получил свое окончательное разрешение. Была доказана связь между содержанием потребности, ее интенсивностью и проективным выражением. Оказалось, что потребности, не несущие угрозы “Я”, т. е. социально приемлемые, но в силу объективных обстоятельств не находящие удовлетворения в открытом поведении, могут непосредственно (аутистически) проявляться в проективной продукции. Иначе обстоит дело с латентными потребностями, разрядка которых в поведение блокирована цензорными инстанциями личности; в проективных тестах они, как правило, опосредуются механизмами защиты. Аналогичным образом потребность прямо отражается в проективной продукции до тех пор, пока увеличение ее интенсивности не приводит к стрессу; чрезвычайно сильная потребность выступает лишь в той или иной защитной форме [59]. Эксперименты New Look способствовали также переориентировке проективных исследований на диагностику защитных механизмов и их специфических форм в том или ином, тесте [40; 71; 77].

С 40—50-х гг. для обоснования проективного метода начинают привлекаться новые психологические категории, среди которых, в частности, можно выделить такие, как “контроль” и “когнитивный стиль”. Введение в контекст проективной методологии понятия “защита” означало перенос акцента на “вторичные”, познавательные процессы “Эго”. Но в рамках защитной концепции реагирования оставалось неясным, каким же образом достигается адаптация к реальности, если индивид все-таки ориентируется в большей степени не на ее объективные свойства, а на собственные аффективные состояния. Необходимо было предположить, во-первых, существование процессов, служащих целям адаптации, и, во-вторых, механизмов, посредством которых эта адаптация достигается. Теоретический фундамент исследований в этом направлении составили положения Хартмана и Рапапорта о “функциях “Эго”, — свободных от конфликта” и механизмах контроля [53; 72]. Согласно Д. Рапапорту, развитие “Эго” характеризуется процессами двоякого рода: прогрессирующим освобождением когнитивных функций от влияния примитивного аффекта — с одной стороны, и дифференциацией самих аффективных структур, их автономизацией от базальных влечений — с другой. В результате не только элиминируется искажающее влияние “драйвов” и конфликтов на познавательные процессы, которые, таким образом, преобразуются в 8 “функции — “Эго” — свободные от конфликта”, но и возникают более совершенные механизмы их регуляции. Одним из таких механизмов является контроль. Контроль произволен от базальных влечений, он как бы продукт их вторичной “задержки”, и по отношению к ним может рассматриваться как мотивационная

структура высшего порядка. В то же время контроль является функцией “Эго” и его цель — канализирование энергии влечений в соответствии с требованиями объективной действительности. Следовательно, контроль опосредует отношения индивида с окружающей средой так, что одновременно учитываются потребности самой личности и объективные свойства стимуляции.

Рапапорт подчеркивает, что возникновение в ходе адаптации “функций — “Эго” — свободных — от конфликта” вовсе не подразумевает их полной изоляции от аффекта, а только означает изменение структуры мотивации и форм ее проявления. В плане методологии, при таком понимании генеза иерархии мотивов снимается противопоставление якобы мотивированных (первичных) и немотивированных (вторичных) процессов.

Как механизм регуляции влечений контроль сопоставим с защитой; однако, если защита пускается в ход исключительно в ситуациях угрозы “Я”, например, при опознании слов-“табу” или картин социально-неприемлемого содержания, контроль действует в любых ситуациях, при решении любых познавательных задач. Защита — это индивидуальный подход к разрешению конфликта в аффективно-стрессовых условиях; контроль — это индивидуальный подход к разрешению аффективно-нейтральной задачи. Так, для экспериментальной диагностики механизмов контроля использовались задачи на визуальную оценку размеров объекта, длин отрезков, ориентацию в пространстве и некоторые другие. Были выявлены также позитивные корреляции между определенными видами контролей и механизмами защиты [25; 51; 56; 82; 83].

Относительно стабильный паттерн механизмов контроля, характеризующий индивидуальный тип адаптации и познавательной деятельности, образует когнитивный стиль. Заметим, что в понятие “когнитивный стиль” некоторые авторы включают как познавательные, так и мотивационно-личностные компоненты. Это и индивидуальная стратегия решения познавательных задач, но также и особенности взаимоотношения личности с социальным окружением, присущий ей способ регуляции собственной аффективной жизни, свойства ее “Я” — концепции [82].

Изучение механизмов контроля и когнитивного стиля позволило по-новому определить специфику процессов, детерминирующих проективный ответ, и, в частности, заострить внимание на его зависимости от индивидуальной стратегии познания субъекта [40; 44; 72]. Проективная продукция стала рассматриваться как результат сложной познавательной деятельности, в которой воедино спаяны как собственно когнитивные, так и аффективно-мотивационные компоненты личности.

Концепция контроля и когнитивного стиля важна не только для понимания современной проективной методологии; эти понятия вошли составной частью во многие интерпретативные системы анализа и интерпретации и пользуются популярностью у практических психологов, особенно американского направления (Рапапорт, Шафер, Клоппер, Беллак).

§ 4. КОНЦЕПЦИИ ПРОЕКЦИИ В ОБОСНОВАНИИ ПРОЕКТИВНОГО МЕТОДА

В предыдущих параграфах освещались теоретические и методологические источники проективного метода: холистическая психология, классический и ревизованный психоанализ и экспериментальные исследования New Look. Попытаемся проследить влияние названных направлений на формирование основной описательной и объяснительной категории проективного метода — проекции. Отметим, что плодотворность использования этого понятия в целях обоснования проективного метода представляется достаточно дискуссионной по причинам, которых мы коснемся ниже.

Как уже говорилось, в проективную методологию термин “проекция” вошел благодаря Л. Френку; однако в его работах проекция фактически была лишена конкретного психологического содержания.

Основные положения его концепции могли рассматриваться лишь как самые общие методологические принципы; задача выявления собственно психологических закономерностей и механизмов нуждалась в своем разрешении. Следствием этого явилось обращение части исследователей, ориентированных главным образом психоаналитически к концепции проекции З. Фрейда. Однако, как отмечается рядом авторов [6; 19; 27; 39; 70], при попытке обоснования проективного метода на основе фрейдовской концепции возникает ряд трудностей, главные из которых:

- 1) недостаточная разработанность, многозначность термина “проекция” в психоанализе, многообразие описываемых явлений;
- 2) лишь частичное сходство феноменов, обозначаемых в психоанализе этим термином, с процессами, имеющими место в проективном исследовании;
- 3) различие типов проекции в разных проективных тестах. Остановимся на анализе каждого из перечисленных пунктов.

Впервые термин “проекция” в его психологическом значении был использован З. Фрейдом для объяснения патологических симптомов паранойи в 1896 г., а затем при разборе “случая Шребера” в 1911 г. В этих работах проекция понималась как приписывание другим людям социально-неприемлемых желаний, в которых человек как бы отказывает сам себе. В этом случае проекция рассматривалась Фрейдом как механизм защиты против неосознаваемых асоциальных влечений, в частности гомосексуальности, которая лежит в основе бредообразования при паранойе. Впоследствии была описана так называемая фобическая защитная проекция — вынесение вовне, экстериоризация страха, тревоги, в действительности имеющих эндогенную природу [31]. В работах последующих лет, наконец, наряду с концепцией защитной проекции, входящей в состав различных патологических состояний, Фрейд вводит понятие проекции как нормального психологического процесса, участвующего в формировании нашего восприятия внешнего мира. Проекция интерпретируется им как первичный процесс “уподобления” окружающей реальности собственному внутреннему миру [29; 30; 31]. Таков механизм, например, детского и религиозномифологического мировосприятия.

Таким образом, проекцией Фрейд называет два существенно отличающихся друг от друга явления, в основе которых якобы лежат процесс самозащиты и процесс “уподобления”. Их

объединяет неосознаваемость трансформаций, которым подвергаются исходные влечения — в сознании выступает лишь продукт этих преобразований. Со временем проекция стала столь расхожим термином, что дифференцировать ее от явлений идентификации, перенесения и некоторых других психоаналитических феноменов стало чрезвычайно трудно [58]. Например, говорят о проекции в психотерапевтической ситуации, когда на врача “Переносятся” чувства, Предназначенные другому лицу; называют проекцией своеобразное отождествление художника со своим творением (Г. Флобер говорил: “Эмма — это я”), а также “сопереживание” при восприятии художественных произведений; проекцией объясняют существование расовых и этнических предрассудков.

Мюрстейн и Прайер [70], критикуя многозначность и, следовательно, недостаточную разработанность понятия проекции, предлагают различать несколько видов проекции. Классическая защитная проекция Фрейда находит подтверждение во многих наблюдениях. Атрибутивная проекция — приписывание собственных мотивов, чувств и поступков другим людям (по смыслу близка фрейдовскому “уподоблению”). Аутистическая проекция — детерминированность восприятия потребностями воспринимающего; для иллюстрации этого вида проекции авторы ссылаются на эксперименты New Look. Рациональная проекция отличается от классической “рациональной” мотивировкой: например, по данным одного из экспериментов, когда студентам предложили высказать свои замечания о структуре учебного процесса, оказалось, что на отсутствие дисциплины жаловались отпетые прогульщики, а недостаточной квалификацией преподавателей были недовольны двоечники. Здесь, так же как в случае обычной рационализации, вместо признания собственных недостатков испытуемые склонны были приписывать ответственность за собственные неудачи внешним обстоятельствам или другим людям.

Холмс, подводя итоги многолетних исследований, считает необходимым выделить два “измерения” проекции [54]. Первое из них относится к тому, что проецируется: субъект воспринимает в другом свои собственные черты или черты, ему самому не присущие. Второе измерение — осознает ли субъект обладание той чертой, которая проецируется, или нет. Комбинация этих измерений позволяет классифицировать все известные виды проекции следующим образом.

Классификация видов проекции по Холмсу

Осознание субъектом проецируемой черты	Наличие у субъекта проецируемой черты	Отсутствие у субъекта проецируемой черты
Субъект не осознает свою черту	Симилиативная проекция	Проекция Панглосса или Кассандры
Субъект осознает свою черту	Атрибутивная проекция	Комплементарная проекция

Холмс утверждает, что несмотря на неоднократные попытки экспериментального изучения, проекция неосознаваемых черт не может считаться доказанной. Исходя из психоаналитической концепции, симилиативная проекция выполняет защитные функции, препятствуя осознанию того факта, что субъект в действительности обладает какой-то Нежелательной чертой. Проекция, метафорически названная в честь Панглосса и Кассандры, может рассматриваться как вариант защитного механизма “реактивное

образование”. Что касается черт, наличие которых субъект осознает, то их интенсивное изучение шло в русле проблемы межличностного восприятия. Экспериментальное подтверждение находит прежде всего атрибутивная проекция — приписывание имеющейся у субъекта и осознаваемой им черты. Кэттел считал этот вид проекции наивным умозаключением, основанном на недостатке опыта — люди склонны воспринимать других по аналогии с собой, приписывать другим те же мысли, чувства и желания, которые находят в самих себе. Комплементарная проекция предполагает проекцию черт, дополнительных к тем, которыми субъект обладает в действительности. Например, если человек ощущает страх, то он склонен других воспринимать как угрожающих; в этом случае приписываемая черта служит причинным объяснением собственного состояния.

Как соотносятся эти виды проекции с процессами, имеющими место в проективном исследовании? По этому вопросу не существует единства взглядов. Например, Меррей, употребляя термин “идентификация” применительно к ТАТ, фактически имел в виду защитную проекцию Фрейда; отождествляя себя с “героем”, испытуемый получает возможность неосознанно приписать ему собственные “латентные” потребности. Вместе с тем, клинические и экспериментальные исследования показали, что содержание проекции не сводимо к асоциальным тенденциям: объектом проекции могут стать любые положительные или отрицательные проявления личности. По-видимому, само проективное поведение является производным от многих факторов. В частности, оказалось, что даже манера экспериментатора, индуцируемые им чувства влияют на аффективный знак тематических рассказов: агрессивная установка приводит к возрастанию агрессивных, “тем”, дружелюбная — к преобладанию релаксационных [39]. Таким образом, в целом защитную концепцию проекции неправомерно рассматривать в качестве принципа обоснования проективного метода, хотя сам феномен защиты может иметь место, в частности, если ситуация эксперимента воспринимается как угрожающая [59]. Что касается других видов проекции, то экспериментальное изучение их применительно к проективным тестам не дало однозначных результатов. Однако большинство авторов, опираясь на идею З. Фрейда об “уподоблении”, считают возможным привлекать феномены атрибутивной и аутистической проекции для доказательства значимости проективной продукции. К сожалению, в обоснованиях подобного рода нередко описание тех или иных явлений, наблюдающихся в эксперименте, заменяет раскрытие их собственно психологических механизмов. Как одну из попыток преодоления кризиса в обосновании проективного метода можно рассматривать отказ от понятия проекции как объяснительной категории; примером такого подхода является концепция апперцептивного искажения Л. Беллака.

Исходя из анализа фрейдовской концепции проекции, Беллак приходит к выводу о неадекватности использования этого понятия в целях обоснования проективного метода, так как оно не способно описать и объяснить процессы, обуславливающие проективное поведение; последнее должно быть рассмотрено в контексте проблемы “личность и восприятие” [34]. Основу категориальной системы Беллака составляет понятие “апперцепции”, понимаемой как процесс, посредством которого новый опыт ассимилируется и трансформируется под воздействием следов прошлых восприятии. Термин “апперцепция” имеет принципиально иное содержание, чем в теории Меррея: он учитывает природу стимульных воздействий и описывает не “первичные” процессы, а собственно когнитивные.

В зависимости от степени неопределенности стимула и экспериментально заданной инструкции, Беллак, используя терминологию Г. Олпорта, различает адаптивное,

проективное и экспрессивное перцептивное поведение. Адаптивное поведение максимально детерминировано качествами стимуляции; восприятие подобного типа конвенционально, т. е. возможно сходство перцепций одних и тех же объектов разными людьми. Например, на таблице 1 ТАТ все люди обычно видят мальчика со скрипкой, иными словами, “мальчик со скрипкой” — восприятие максимально адаптированное к стимульной ситуации.

Чем более неопределенным является стимул, тем более заметны индивидуальные различия в его интерпретации, тем больше величина апперцептивного искажения⁶.

⁶“Апперцептивным искажением” Беллак называет любые индивидуальные отклонения от стандартной интерпретации стимула.

В проективном поведении степень апперцептивного искажения определяется как неопределенностью перцептивного материала, так и индивидуальными особенностями воспринимающего, в свою очередь, зависящими от его аффективного состояния и мотивации. Например, при интерпретации таблицы 1 ТАТ один испытуемый может считать, что “мальчик грустен, потому что ему надоело играть из-под палки”, другой — что “усталый, но счастливый мальчик отдыхает после удачного выступления”. Проективный тип поведения наиболее четко диагностируется интерпретативными тестами, в частности ТАТ.

Экспрессивное поведение отлично по своей природе от адаптивного или проективного. Оно характеризует относительно стабильные особенности индивидуального стиля испытуемого, например лексику, речь, способ работы с перцептивным материалом. Диагностируется в той или иной мере всеми проективными методиками, но лучше всего — тестом Роршаха и миокинетической методикой Мира-и-Лопеца.

Беллак выделяет четыре формы (степени) апперцептивного искажения в ТАТ:

1. Экстернализация — полностью или частично осознанное вплетение в рассказ ТАТ событий собственной жизни; может обнаруживаться как “инсайт” (“ой, ведь точно так же было и со мной!”).

2. Сензитизация — повышенная апперцептивная восприимчивость к объектам и событиям, соответствующим актуальным потребностям и конфликтам (как в известных пословицах: “на воре шапка горит” или “больная совесть спать не дает”).

3. Простая проекция — искажающее влияние аффективных состояний прошлого (экспектаций) на настоящую апперцепцию, например, “я ненавижу его, так как думаю, что у него есть основания ненавидеть меня”.

4. Обратная проекция — крайний случай искажения, совпадающий с защитной проекцией Фрейда.

Перечисленные формы апперцептивного искажения различаются степенью осознанности самого процесса; если первая характеризуется осознанностью или “предосознанностью”, то три последующих полностью неосознаваемы. Именно с этими процессами, согласно

Беллаку, мы имеем дело в тематических проективных тестах. Вместе с тем им можно найти аналоги в ряде экспериментальных исследований, а также в “психопатологии обыденной жизни”. Например, исследования New Look служат прекрасной иллюстрацией феномена сензитизации. С фактом простой проекции мы сталкиваемся буквально на каждом шагу (ребенок, ударившись о дверь, бьет кулаком ее; начальник, придя на работу не в духе, считает, что причиной его дурного настроения — нерадивость подчиненных и т. д.).

Теория Беллака является одной из наиболее популярных в настоящее время психологических концептуализации природы и механизма проективного поведения. В ней отчетливо заметна тенденция многих современных обоснований проективного метода — интерпретация проективных феноменов и их механизмов в контексте подхода “личность и восприятие”. И действительно, для подтверждения своей концепции Беллак не раз обращается к экспериментам “Нового взгляда”. Важным является и используемое им различение содержательного (“что”) и формального (“как”) аспектов проективного поведения. Эмпирическим обоснованием реальности сосуществования обоих аспектов поведения служат для Беллака исследования индивидуального когнитивного стиля. Таким образом, предлагаемая для обоснования проективного метода концепция апперцептивного искажения представляет собой попытку синтеза отдельных положений психоанализа с идеями холистической психологии и “Нового взгляда”.

Подводя итоги анализу так называемой” проблемы проекции в литературе по проективной технике, заметим, что многочисленные концепции и классификации имеют для авторов, как правило, теоретико-методологическое значение. На практике же принято различать два типа проекции соответственно двум классам проективных методик. Так, в интерпретативных тестах проецируется значимое содержание потребностей, конфликтов, установок личности. В тестах на структурирование отражается “скелет” личности; не столько конкретное содержание ее внутреннего мира, сколько , его формальная структура, то, как испытуемый воспринимает себя и свое социальное окружение [37].

Итак, что же представляет собой проективный метод?

Думается, что ответ на этот вопрос дать невозможно, если анализировать только формальные характеристики отдельных методик, поскольку метод предполагает прежде всего специфическое понимание своего объекта, средством познания которого он выступает. Исходя из этого тезиса, только обращение к теории личности позволяет определить специфику проективного метода как одного из способов познания личности.

Ранее было показано, что проективная идеология формировалась под влиянием двух направлений — психоанализа и холистической психологии. В рамках каждого из этих направлений проективный метод разрешает особые задачи и использует особый словарь понятий. Так, в психоаналитических теориях, где сущность личности рассматривается как продукт преобразований инстинктивных влечений под воздействием социальных и культурных требований среды, проективный метод ориентирован на выявление именно этих неосознаваемых тенденций и их всевозможных трансформаций. Объект проективного метода — глубоко конфликтная дезадаптированная личность; поэтому такие понятия, как влечение, конфликт, защита в их психоаналитическом понимании, составляют основу анализа и интерпретации практически любой методики⁷. Следовательно, проективный метод, используемый в системе психоанализа, будет обладать следующими отличительными

чертами:

7 Имеются в виду классические варианты проективных методик.

1) направленностью на диагностику причин дезадаптации — бессознательных влечений, конфликтов и способов их разрешения (механизмов защиты);

2) трактовкой всего поведения, и проективного в частности, как проявления динамики бессознательных влечений;

3) предпосылка любого - проективного исследования — неопределенность тестовых условий будет интерпретироваться как снятие давления реальности, в отсутствие которого личность проявит не конвенциональные, а якобы внутренне присущие ей способы поведения.

Обратимся теперь к концепции проективного метода в рамках холистической психологии. Ядро личности, по Френку, составляет субъективный мир желаний, мнений, идей и т. д. Взаимоотношение личности и ее социального окружения есть процесс структурирования “жизненного пространства” в целях создания и поддержания “личного мира”. Проективный эксперимент моделирует эти отношения: испытуемый перед лицом неопределенных ситуаций получает свободу в выборе элементов “жизненного пространства” и способов их структурирования. Проективный метод выступает, таким образом, как средство познания содержания и структуры “личного мира”. Как мы видим, в рамках холистической психологии проективный метод лишен ортодоксальности психоанализа, что, в частности, позволяет значительно расширить круг задач, решаемых с его помощью. На первый план выдвигается диагностика индивидуальных особенностей личности и способов ее нормальной адаптации.

Следует, однако, заметить, что в концепции Френка отсутствует собственно психологический анализ таких понятий, как “структурирование”, “изоморфизм”, “личный мир” и т. д. Их незаполненность психологическим содержанием и привела к тому, что обоснование проективного метода стали связывать с психоанализом. Так, тезис об изоморфизме и структурировании рассматривался как развитие идеи Фрейда об “уподоблении”; сам же “личный мир” сводился к влечениям, конфликтам и механизмам их регуляции. Таким образом, подход Френка, если и указывает верное, на наш взгляд, направление теоретических исследований, тем не менее не может считаться разработанной теорией проективного метода.

§ 5. ПРОЕКТИВНЫЙ МЕТОД В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТНОГО СМЫСЛА⁸

⁸Параграф написан совместно с В. В. Столным.

Анализ существующих проективных методик, истории их использования и обоснования показывает, что в основе действенности проективного метода лежит давно и глубоко изученный психологический факт — факт пристрастности психического отражения и, в частности, человеческого сознания. Психический образ действительности не просто находится в отношении подобия с воспринимаемым объектом, главная особенность состоит в его субъективности: “Понятие субъективности включает в себя понятие пристрастности субъекта” [16]. Эту же идею отчетливо выразил С. Л. Рубинштейн: “Сознание — это не

только отражение, но и отношение человека к окружающему». И далее: «Всякий вообще акт познания мира есть вместе с тем и введение в действие новых детерминант нашего поведения. В процессе отражения явлений внешнего мира происходит и определение их значения для индивида и тем самым его отношения к ним (психологически это выражается в форме стремлений и чувств) [21, 158].

Понимание активного, пристрастного характера сознания делает отнюдь не удивительным тот факт, что, описывая неоднозначно семантически определенные изображения или выполняя не строго алгоритмизированные задания, человек при этом выражает себя, «проецируя» какие-то значимые для него переживания и тем самым какие-то свои личностные особенности. Нельзя, однако, ограничиться только констатацией этого положения, — предстоит ответить на два вопроса. Во-первых, необходимо понять, какие именно особенности личности и ее внутреннего мира находят свое выражение в ситуации проективного эксперимента. Во-вторых, почему именно ситуация проективного эксперимента оказывается наиболее адекватной для проявления этих личностных особенностей? Ответить на эти вопросы, на наш взгляд, можно опираясь на теорию деятельности, разработанную А. Н. Леонтьевым [16], и в частности, на понятие «личностного смысла».

Личностный смысл является одной из главных образующих человеческого сознания. В рамках теории деятельности личностный смысл определяется двояко: по способу своего происхождения (содержательно) и по форме существования в сознании (функционально).

По своему содержанию личностный смысл — это «оценка жизненного значения для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах» [16, 150]. Смысл цели действия и действия в целом в том, какому мотиву оно служит, удовлетворению какой потребности, опредмеченной в этом мотиве, оно способствует. Два обстоятельства делают связь мотива и цели неоднозначной: во-первых, мотив не всегда является осознанным, во-вторых, одному и тому же мотиву могут соответствовать разные по своим содержательным и социально-нормативным характеристикам действия. Таким образом, и смысл цели может быть неоднозначен. Смысл не существует в сознании в готовом виде, а является продуктом внутренней активности субъекта, с помощью которой он определяет, какому мотиву служит данное действие и действительно ли оно оптимально с точки зрения его соответствия мотиву и нормативным требованиям. Сам процесс этой активности чаще всего не является сознательным и произвольно регулируемым (за исключением случаев сознательной рефлексии, раздумий над жизнью) и может проявляться в сознании в форме чувства, интереса, эмоции, «значащего переживания».

Как следует из определения, смыслом обладает не только действие, цель, но и обстоятельства, условия, в которых совершается действие. По отношению к цели действия и через него к мотиву можно выделить два типа условий. Некоторые условия способствуют совершению действия, другие препятствуют его совершению, являясь барьерами на пути деятельности. Таким образом, выделяются и два различных смысла условий деятельности (обстоятельств совершения действия) — смысл благоприятствования совершению действия и смысл препятствия его совершению. Подчеркнем, что к условиям или обстоятельствам совершения деятельности относятся и социальные условия, и прежде всего другие люди с их собственными мотивами, интересами, устремлениями.

Какие же типы препятствующих условий и соответственно смыслов могут быть выделены? Этому вопросу было посвящено специальное исследование [28]. В каждом препятствии можно выделить два аспекта — объективную часть препятствия, заданную

реальными, независимыми от субъекта причинами, и субъективную, определенную особенностями именно данного человека. Некоторые препятствия носят преимущественно объективный, а другие — преимущественно субъективный характер. Это разделение отчасти совпадает с предложенным К. Левином различием барьеров, препятствующих действию, на физически-телесные и социально-логические, т. е. внутренние [61]. Объективный компонент препятствия имеет непсихологическую природу и интересен лишь в той мере, в которой обуславливает прерывание действия, а, следовательно, недостижение (или отсрочку в достижении) мотива, т. е. переживание соответствующего смысла. Выяснение таких ситуаций с помощью проективной техники не представляет специального интереса, поскольку субъект, как правило, осознает эти объективные обстоятельства. Естественно, что это обстоятельство не умаляет значения информации о таком препятствии для заключения о природе психической травмы, которая может наступить вследствие насильственного прекращения той или иной деятельности. С психологической точки зрения, больший интерес представляют субъективные, внутренние препятствия. Столкнется ли то или иное действие с внутренним препятствием — зависит от структуры личности данного человека. В интересующем нас контексте можно выделить четыре больших класса внутренних препятствий, определяющих соответственно содержательные различия порождаемых ими смыслов. Первый класс препятствий составляют другие конфликтующие смыслы тех же обстоятельств. Дело в том, что обстоятельства, сопутствующие реализации того или иного действия, могут препятствовать реализации других действий, соответствующих не менее значимым для человека мотивам. Так, длительная командировка, важная для реализации каких-то профессиональных замыслов, может привести к разлуке с близкими, поэтому как обстоятельство, способствующее реализации одних действий и соответствующего им мотива, она приобретает и второй, “горький” смысл — разлуки. Таким образом, уже разнообразие отношений, в которые вступает человек, множественность мотивов и соответствующих им деятельностей порождает внутренние препятствия и соответствующие конфликтные смыслы.

Второй класс препятствий составляют личностные и характерологические черты, а также субъективные представления самого человека о них. Так, если обстоятельства требуют от решительного, энергичного и нетерпеливого человека проявления терпеливости, скупуплезности и предусмотрительности, то его личностные характеристики будут им переживаться как препятствие к совершению соответствующего действия, хотя сам он будет, вероятнее всего, приписывать “преградный” смысл обстоятельствам, природе этих обстоятельств. С психологической точки зрения, этот смысл определен особенностями субъекта, а не объекта, так как для другого человека — аккуратного, педантичного и не склонного к быстрым решениям — те же обстоятельства покажутся скорее облегчающими, чем препятствующими.

Третий класс внутренних преград составляют высшие ценностные образования личности, ее идеалы, ценностные ориентации, интериоризованные нормы. Так, обстоятельства, которые с прагматической точки зрения максимально оптимизируют действие, в то же время могут оказаться несоответствующими (точнее, их использование) тем ценностным ориентациям, которых придерживается данная личность.

И, наконец, четвертый класс преград составляют негативные ожидания. К ним относятся ожидания негативных санкций, в том числе просто неблагоприятное мнение окружающих, ожидания неуспеха своего действия и т. д. В последнем случае имеется в виду не оценка объективной вероятности неуспеха, а то, что в зарубежной психологии называется

преобладанием мотивации избегания над мотивацией достижения — человека пугают в большей степени последствия возможной неудачи, нежели привлекают следствия успеха. Эти ожидания, в зависимости от их конкретного характера, приводят к разнообразным смыслам обстоятельств как преград. В сознании это может переживаться как “опасность ситуации”, “ситуация, ставящая в неловкое положение”, и т. д.

Рассмотрим, в какой форме существуют смыслы для субъекта. По самой своей функции смысл делает доступным сознанию субъективное значение тех или иных обстоятельств и действий, в них совершаемых. Однако доступность сознанию не означает, что смысл всегда осознан. Конечно, в ряде случаев смысл выступает вполне явно в виде сознательного словесного представления о смысле действия или обстоятельств, “выражается в значениях”. В других случаях смысл осуществляет свою функцию информирования о субъективном значении в форме переживаний — интереса, желаний или страсти, напряжения, горечи, обиды и т. д., т. е. в эмоционально-чувственной форме. В этом случае субъект стоит перед задачей рефлексии, по выражению А. Н. Леонтьева — задачей на “поиск смысла”. Можно было бы добавить, что иногда субъект бессознательно формулирует и противоположную задачу — сокрытие смысла, и прежде всего от самого себя. Это сокрытие смысла и лежит за описанными Фрейдом защитными механизмами. Для объяснения роли этих защитных механизмов отнюдь нет нужды привлекать понятия конфликта между инстанциями “Эго” или врожденными влечениями. Реальная жизнедеятельность субъекта, в которой он реализует множество важных для него отношений, неизбежно порождает конфликтные ситуации, делающие те или иные обстоятельства обладающими преградным смыслом, на адекватное осознание которого у субъекта в данный момент может и не хватать сил и отваги.

Таким образом, цели человеческих действий могут обладать смыслами как в отношении соответствующих этим действиям мотивов, так и в отношении адекватности, оптимальности выбора именно данного действия. Смысл действия не дан априори субъекту, а является результатом психической активности субъекта, результатом деятельности его сознания. Обстоятельства совершения действия также обладают смыслом, а точнее смыслами. Наибольший интерес представляют те смыслы, которые обнаруживают преградный характер обстоятельств. Различные типы преград определяют разнообразие смыслов, которые могут существовать как в вербальной, так и в невербальной, чувственной форме — в форме переживаний. Высказываемый нами тезис состоит в том, что проявления личности, выявляемые в проективных тестах (прежде всего, конечно, интерпретативных), могут быть адекватно поняты в терминах личностных смыслов и соответствующей деятельности субъекта по поиску или сокрытию, маскировке личностных смыслов.

Чтобы сделать этот тезис более убедительным, необходимо остановиться и на втором вопросе, который теперь принимает следующую формулировку: почему личностные смыслы и в особенности смыслы тех или иных обстоятельств как преград, проецируются именно в ситуации проективного эксперимента?

Всякое обстоятельство, имеющее характер препятствия, ведет к прерыванию действия до тех пор, пока препятствия не будут преодолены или субъект не откажется от совершения действия. При этом действие оказывается незавершенным либо в своем внешнем, материальном плане, либо во внутреннем плане, так как решение преодолевать препятствие или отказаться от действия еще не принято. В том случае, когда субъект еще не осознает в

адекватной форме самого конкретного смысла тех или иных обстоятельств, незавершенным оказывается прежде всего сам акт осознания смысла. Как показано экспериментами Б. В. Зейгарник, именно незавершенные действия (и надо полагать сопутствующие им обстоятельства) запоминаются лучше завершенных и что особенно важно—непроизвольно. В школе К. Левина также показано, что незаконченные действия формируют тенденцию к их завершению, при этом, если прямое завершение невозможно, человек начинает совершать замещающие действия. Каждый человек обладает личностными смыслами и каждый сталкивается с теми или иными препятствиями. При этом в определенный момент действия как внешние, так и внутренние оказываются незавершенными. Ситуация проективного эксперимента предлагает человеку условия замещающего действия; чем добросовестнее человек относится к инструкции, например, как в ситуации ТАТ — старается описать мысли и чувства героев, их настоящее, прошлое и будущее, тем более, непроизвольно обращается он к своему опыту. Однако там “ближе всего” хранится прерванное действие и соответствующая ему ситуация. Неосознанно, а иногда и осознанно, человек пытается завершить прерванное действие; однако, как этого требуют новые условия, такое завершение возможно лишь в символическом плане, путем “управления” судьбами персонажей, их мыслями и чувствами. При этом человек возвращается к прерванному действию даже и в том случае, если оно состояло в сокрытии смысла, в переименовании субъективного значения обстоятельств в угоду тем или иным своим интересам, своим мотивам. Поскольку по своей природе преградный смысл есть выражение некоторого препятствия к реальному действию, сама динамика смыслов возможна и в форме действия. При этом человек использует решения, ему наиболее присущие, составляющие его индивидуальный стиль. В свете сказанного становятся понятными и требования к проективным стимулам. Степень их определенности или неопределенности определяется возможностью их использования для тех или иных замещающих действий, сопряженных с преградными смыслами различной степени конкретности. Так, таблицы ТАТ соответствуют смыслам, связанным с препятствиями, могущими быть так или иначе опредмеченными. Таблицы Роршаха соответствуют смыслам препятствий, имеющих обобщенный, недостаточно предметный характер, природу которых следует искать, по-видимому, в наиболее общих особенностях индивидуального стиля деятельности человека, особенностях функционирования его сознания и т. п. Эти особенности в наименьшей степени доступны самосознанию, поскольку осознание того, о чем я думаю, гораздо проще и доступнее осознания того, как я думаю.

В настоящее время в отечественной психологии имеются и иные попытки обоснования проективного метода. В ряде работ проективный метод рассматривается как способ экспериментального исследования личностно-субъективного характера восприятия [6; 8; 9]. Из более общих фундаментальных свойств психического отражения и деятельности субъекта исходят авторы, использующие такие категории, как отношения, установки личности [11; 13; 18; 32]. Продолжаются исследования в русле гипотезы А. Г. Асмолова об иерархическом строении установки, где проективный метод понимается как средство выявления индивидуального стиля личности [25; 27]. Однако здесь, как и в других подходах, наименее разработан переход от теоретического обоснования к конкретным схемам анализа и интерпретации тестовых результатов. Определенный интерес в этой связи представляет обращение В. Э. Реньге к теории деятельности А. Н. Леонтьева и попытка создания на ее основе схемы анализа рассказов ТАТ [19].

Согласно развиваемому здесь тезису, из материала проективных методик исследователь “вычерпывает” личностный смысл целей и обстоятельств действий и прежде всего —

обстоятельств, имеющих для человека преградный, конфликтный смысл. Оговоримся сразу, предложенный подход, конечно же, не может рассматриваться как единственно возможный. В рамках деятельностного подхода могут сосуществовать различные интерпретативные системы, и сам факт множественности психологических реалий, вычитываемых из протоколов испытуемого (таких, как мотивы, отношения, установки, конфликты, защиты и т. д.), так же как и успешность анализа внутри той или иной схемы, демонстрирует инвариантность эмпирического содержания рассказов относительно интерпретационных систем. В рамках адекватной методологии выбор той или иной категориальной системы, по-видимому, правомочен и оправдан в той мере, в какой разработана в ней теория личности. Использование проективных методик в рамках теории деятельности, в частности, приводит нас к пониманию некоторых принципиальных трудностей. Если такие понятия, как “мотив”, “смысл”, достаточно хорошо описывают саму психологическую реальность, проецирующуюся в интерпретативных методиках, то остается открытым вопрос о том, как ее искать, в какой эмпирической “одежке” она выступит в проективной продукции. Например, если утверждать, что в рассказах ТАТ проявляются личностные смыслы преградных обстоятельств, то необходимо также определить, как от тех или иных особенностей текста можно перейти к названным образованиям личности. В настоящее время мы не имеем еще разработанных операциональных критериев, хотя работа в этом направлении ведется. Возможно, степень эмоциональной насыщенности текста, сопровождающая рассказ экспрессия испытуемого, индивидуальные особенности его лексики, “стандартность” или оригинальность сюжета и другие так называемые “отклонения” являются своеобразными “метками”, “следами” личностного смысла. Но каков содержательно личностный смысл, его место в иерархической структуре личности — эти вопросы остаются пока открытыми. Следовательно, предложенный подход докажет свою продуктивность, если удастся создать на его основе адекватную систему анализа эмпирического материала.

ГЛАВА III

Тематический апперцептивный тест (ТАТ)

§ 1. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ Г. МЕРРЕЯ

Теория личности Г. Меррея создавалась в процессе многолетних исследований по апробации ТАТ и была призвана служить его теоретическим обоснованием. Ее ключевое положение составляет принцип “диадического взаимодействия” [69], согласно которому изучение личности возможно лишь в системе отношений организм—среда. Поскольку личность не существует вне социального окружения, Меррей полагает, что объектом психологического анализа должна стать некоторая единица их взаимодействия — система потребность — давление или “тема” [67; 68].

Потребность понимается как динамическое образование, которое организует и направляет познавательные процессы, воображение и поведение. Благодаря потребности деятельность приобретает целенаправленный характер, в результате чего, либо достигается удовлетворение потребности, либо предотвращается неприятное столкновение со средой. Давление отличается от потребности лишь по своей векторной направленности: потребность представляет собой динамическую силу, исходящую от организма, в то время как давление — силу, действующую на организм. Ни то, ни другое не существует изолированно: удовлетворение потребности предполагает взаимодействие с социальными ситуациями, их преобразование в целях достижения адаптации; в то же время сами ситуации, а также потребности других людей могут выступать и в качестве побуждения (потребности) и в качестве препятствия (давление).

Термином “потребность” Меррей обозначает некоторую гипотетическую переменную, которая в зависимости от обстоятельств проявляет себя то в виде мотива, то в виде черты. В последнем случае потребности приобретают стабильность и становятся качествами характера. Задача психолога состоит в выявлении специфических для данного человека комплексов черт (интеграторов), их взаимосвязи и иерархии. Большинство комплексов, однако, не обнаруживают себя в наблюдаемом поведении, субъект не имеет о них ни малейшего представления, иначе говоря, они существуют в скрытом, латентном состоянии. Только специальными методами — проективными и психоаналитическими — можно постичь природу характера индивида, понять не только актуальный статус личности, но и историю возникновения тех или иных комплексов.

В вопросе генеза черт Меррей придерживается в основном психоаналитических взглядов: все потребности и их интеграторы, определяющие направленность личности, берут свое начало из бессознательных либидозных влечений. Черты характера являются их сублимированной трансформацией под воздействием социальных факторов. В силу неповторимости своего жизненного пути каждый человек обладает индивидуальным набором черт, что придает уникальность его поведению и характеру.

Меррею принадлежит одна из наиболее популярных на Западе классификаций потребностей. Последние делятся прежде всего на первичные и вторичные. Первичные или висцерогенные относятся к естественным нуждам человека как живого организма. Это потребности в кислороде, пище, воде, избегании боли, сексуальном удовлетворении. В отличие от З. Фрейда, Меррей, однако, уделяет наибольшее внимание вторичным потребностям, характеризующим человека как социальное существо и вытекающим из факта общения людей. Важнейшими из них являются потребности в любви, сотрудничестве, автономии, агрессии, творчестве и т. д. Меррей различает также потребности явные и латентные. Явные свободно проявляются вовне, находя удовлетворение в физических актах (еда, подзатыльник, ласка), речи (восклицания, постановка вопроса, похвала, осуждение), в сложных формах поведения (служение какому-то делу, приверженность идеям) и т. д. Их диагностика не требует никакой специальной техники, кроме наблюдения. Латентные потребности; напротив, никогда не проявляются в адаптивных поведенческих актах, а лишь в фантазии, сновидениях и играх. В восприятии латентная потребность обнаруживает себя “апперцептивно” или, что то же самое, аутистически — в искажении воспринимаемого материала, в тенденции воспринимать все “так, как хочется”. Содержание латентных потребностей составляют бессознательные асоциальные влечения агрессии и секса. Изучение их возможно лишь в ходе психоаналитической терапии или экспериментально, путем создания неопределенных стимульных условий. Под воздействием неопределенной стимуляции активизируются образы фантазии, ассоциативно связанные с латентными потребностями, и, следовательно, сами продукты фантазии могут рассматриваться как их непосредственное выражение. Таким образом, понятие апперцепции оказывается близким идее З. Фрейда о компенсаторных функциях фантазии.

Меррей дает подробную характеристику основных потребностей, их социальных функций и форм проявления. Так, потребности могут быть интра- или экстравертными: например, агрессия, направленная на других (причинение травмы, словесное оскорбление) или на себя (чувство вины или самоубийство); потребность может проявляться на действенном или вербальном уровне; она может быть эгоцентрической или социоцентрической.

Явная или латентная форма существования потребности определяется способом ее удовлетворения. Так, агрессия, удовлетворяемая в социально-приемлемых видах деятельности, например в спорте, квалифицируется как явная; агрессия, находящая удовлетворение в садистических или мазохистических актах, — как латентная; то же относится, например, к потребности в помощи, если из тенденции к сотрудничеству она

превращается в аутистическую пассивную установку “делайте все за меня и без меня”. В приложении I прилагается список потребностей по Меррею и их краткое описание (по рассказам ТАТ).

В понимании природы фантазии (апперцепции), а также структуры личности Меррей придерживается положений классического психоанализа. Вслед за З. Фрейдом, он различает три “слоя” личности:

внутренний (“Ид”), средний (“Эго”) и внешний (“супер-Эго”). Внутренний слой составляют бессознательные латентные влечения, никогда необъективирующиеся на уровне реального поведения. Средний слой представлен социально-приемлемыми, явными потребностями, которые при благоприятных жизненных обстоятельствах могут быть удовлетворены в поведении. То же относится и к внешнему слою личности. Согласно Меррею, диагностически значимые рассказы ТАТ являются проекцией главным образом внутреннего слоя личности. Иначе говоря, чем менее потребность находит удовлетворение в реальной жизни, тем большее место она займет в фантазиях. Меррей, почти без изменений принимает основные постулаты психоанализа о доминирующей роли бессознательного и его влияния на психическую жизнь и поведение человека; о компенсаторной, аутистической функции фантазии (апперцепции); о структуре личности и многообразных формах проявления либидозных влечений; о решающей роли переживаний раннего детства в генезе мотивов и характера и т. д. Впрочем, влияние психоанализа на концептуальную систему Меррея столь очевидно, что, как он сам указывает, не нуждается в доказательстве [69]. Вместе с тем, отдельные положения его теории, такие, как, например, принцип диадического взаимодействия или приписывание векторных характеристик потребностям заимствованы из структурной психологии К. Левина.

§ 2. ТАТ: ПРОЦЕДУРА ЭКСПЕРИМЕНТА, СХЕМА АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПО Г. МЕРРЕЮ

Тематический апперцептивный тест был впервые описан Г. Мерреем в 1935 г. в качестве методики экспериментального изучения фантазии. Итогом работы последующих лет явилось теоретическое обоснование ТАТ как метода исследования личности, разработка инструкции к применению методики, схемы анализа и интерпретации результатов [65; 67; 68].

Используемый в настоящее время вариант ТАТ состоит из стандартного набора таблиц с изображением относительно неопределенных ситуаций. Каждая из таблиц допускает возможность неоднозначной интерпретации, в то же время специально выделяют таблицы, провоцирующие депрессию и суицид [3, 14, 15], агрессию и сексуальные перверзии [13, 18], доминирование — подчинение (12 М), сексуальные и семейные конфликты (4, 6)* и т. д. Часть таблиц предъявляется мужчинам и женщинам, часть — только мужчинам или женщинам; имеются также таблицы для подростков. Каждому испытуемому предъявляется набор из 20 таблиц.

*Подробное описание таблиц и диагностически значимых сюжетов дается в приложении II.

Схема эксперимента

Исследование проводится в два сеанса с интервалом не более чем в один день. Как и в любом проективном эксперименте, при исследовании ТАТ важно создать спокойную, дружелюбную атмосферу. Начинать работу с испытуемым рекомендуется с беседы или какой-либо простой проективной методики, например рисование на заданную тему, свободные ассоциации или игры (с детьми). Приступая к исследованию, психолог должен иметь об испытуемом основные сведения: семейное и социальное положение, образование, профессия. Более специальные сведения, необходимые для сопоставления с материалом ТАТ, можно получить во время опроса после окончания исследования. Таблицы ТАТ

обычно предъявляются индивидуально: с 1 по 10 — в первый день исследования и с 11 по 20 — во второй. Во время первого сеанса дается стандартная инструкция, допускающая незначительные вариации в зависимости от культурного уровня и возраста испытуемого.

Инструкция

“Вам будут показаны картины, по каждой из них Вы должны придумать рассказ. Расскажите, что происходит в данный момент, какие события привели к этой ситуации, каков будет ее исход. Опишите также мысли и чувства персонажей. Помните, что Вам надо придумать рассказ, а не описывать картину”.

В начале второго сеанса испытуемому напоминает содержание инструкции со следующим добавлением: “В прошлый раз Вы придумали очень хорошие рассказы;

сегодня Вы будете делать то же самое, только Ваши рассказы должны быть более драматичными. Дайте волю своей фантазии, пусть Ваши рассказы будут похожи на сказку, сон или миф”.

Инструкция на 16-ю таблицу (пустой бланк): “Посмотрите на этот пустой бланк, представьте (вообразите) себе какую угодно картину и опишите ее в деталях”. После того, как испытуемый проделал это, экспериментатор добавляет: “А теперь придумайте по ней рассказ”.

При исследовании отмечается время, как от момента предъявления таблицы до начала рассказа, так и общее время, затраченное на каждую таблицу. Длительные паузы фиксируются определенными значками (удобнее всего точками). Записываются все оговорки, аграмматизмы, своеобразные выражения и т. д.

В процедуре предъявления теста из технических трудностей чаще всего встречаются следующие:

1. Испытуемый забывает один из пунктов инструкции, например, начинает описывать картину, а не придумывать рассказ. Как правило, инструкция повторяется после рассказа на 1-ю таблицу, в дальнейшем экспериментатор задает лишь вопросы типа “где”, “когда”, “почему” и т. д. В дальнейшем вмешательство экспериментатора нежелательно.

2. Испытуемый говорит слишком быстро; в этом случае иногда помогает, если экспериментатор повторяет за испытуемым все то, что он говорит, тем самым сдерживая слишком быстрый темп его речи.

3. Испытуемый вместо самостоятельно придуманной истории излагает литературный или киносюжет. Экспериментатор прерывает рассказ и вновь разъясняет инструкцию.

4. Испытуемый придумывает не один, а несколько рассказов по каждой таблице. Экспериментатор записывает их все, затем просит выбрать самый значительный из них. Меррей считает необходимым прервать испытуемого и попросить его сосредоточиться на каком-то одном рассказе.

После исследования проводится опрос. Основная цель опроса — получение дополнительных сведений об испытуемом. Иногда, если опрос проводится с небольшим интервалом после эксперимента, целесообразно, попросить испытуемого самому изложить основные факты биографии, а затем обсудить их совместно. Во время опроса также выясняются источники тех или иных сюжетов: взяты ли за основу события собственной жизни, истории, происшедшие с близкими и друзьями или заимствованные из литературных источников и т. д. Если в рассказах имеются логические неувязки, оговорки, аграмматизмы, ошибки восприятия, экспериментатор должен вернуться к материалам исследования и напомнить то или иное место рассказа с тем, чтобы выяснить возможные причины нарушений.

Схема анализа рассказов по Меррею

Согласно Меррею, ТАТ является средством выявления доминирующих потребностей, конфликтов и актуальных эмоциональных состояний невротической личности. Указанными задачами определяются и выбор категорий анализа и интерпретации экспериментальных

данных. Можно выделить следующие этапы обработки рассказов ТАТ.

1. Анализ содержания рассказа начинается с нахождения “героя”, т. е. персонажа, с которым испытуемый идентифицирует себя. Обычно это то действующее лицо, в котором автор наиболее заинтересован, чьи чувства и мысли изображены наиболее подробно; часто это персонаж того же пола, возраста и социального положения, что и сам испытуемый.

Как правило, формальными признаками идентификации с героем считаются: эмоциональная насыщенность повествования, прямое обращение к собственному опыту, употребление прямой речи, привнесение в рассказ моментов, не вытекающих непосредственно из данной таблицы, необычные сюжеты и некоторое другое.

При определении “героя” экспериментатор может столкнуться также со следующими трудностями:

а) идентификация смещается с одного персонажа на другой, что может рассматриваться как неустойчивость представлений испытуемого о себе;

б) испытуемый идентифицирует себя одновременно с двумя персонажами, например “отрицательным” и “положительным”, тем самым выявляя существование в самом себе противоположных тенденций;

в) объектом идентификации является персонаж противоположного пола, что может указывать на сексуальные перверзии;

г) идентификация может отсутствовать;

в этом случае “герои” могут рассматриваться как антиподы самого испытуемого.

2. Следующий этап анализа рассказа состоит в определении важнейших характеристик героя — его стремлений, желаний, чувств, черт характера,

т. е. потребностей в терминологии Меррея. Для облегчения этой задачи прилагается список потребностей и их описание в той форме, в какой они могут выступать в тексте рассказа (см. приложение 1).

3. С целью нахождения доминирующих потребностей и их интеграторов Меррей вводит ранжирование силы потребности в зависимости от ее интенсивности, длительности, частоты и значения в развитии сюжета. Таким образом, по пятибалльной системе получают оценку все “переменные” каждого рассказа, т. е. все “потребности” героя и все “давления” среды. Например, агрессия, выступающая как склонность к раздражительности, получает 1 балл, гнев — 2 балла, ссора — 3, драка — 4, война — 5 баллов.

4. После того, как подобным образом проанализированы все рассказы, составляется список потребностей и соответствующих им давлений. Как уже говорилось, комбинация потребность—давление составляет, по Меррею, “тему”. Тема указывает на основной характер взаимоотношений личности и среды: находят ли удовлетворение доминирующие потребности или среда препятствует их удовлетворению и результатом их взаимодействия является конфликт, добивается ли герой успеха или терпит неудачу и т. д. Наиболее распространенные “темы” касаются проблем достижения, соперничества, любви, доминирования—подчинения и т. д.

Интерпретация

При интерпретации данных ТАТ Меррей исходит из предположения о прямой идентификации испытуемого с героем, и, следовательно, черты героя (потребности, эмоции) представляют те или иные тенденции самого испытуемого. Они могут обуславливаться его прошлым или являться антиципацией будущего; могут быть актуальны в настоящий момент или, напротив, заторможены. Согласно Меррею, содержание “тем” составляет: 1) то, что испытуемый реально совершает; 2) то, к чему он стремится; 3) то, что им никогда не осознается, и проявляется только в фантазиях и сновидениях; 4) то, что он испытывает в данный момент; 5) то, каким он представляет себе будущее. Во всех случаях, однако, в рассказах ТАТ отражаются не объективные жизненные обстоятельства, а то, как они

воспринимаются самим испытуемым.

Результатом интерпретации становится своеобразный портрет героя; мы узнаем, каковы его доминирующие желания, потребности, чувства; каким воздействиям среды он подвергается, активен или пассивен во взаимоотношениях с предметным и социальным миром, возможно ли удовлетворение его потребностей, или они вступают в противоречие с требованиями среды или другими тенденциями героя; добивается ли он успеха или фрустрируем; совершает антисоциальные поступки или действует в соответствии с общепринятыми нормами;

каковы его ценности и что составляет его мировоззрение и т. д.

Для иллюстрации дадим пример интерпретации одного из рассказов ТАТ по схеме “потребность—давление”.

Таблица 14. “Молодой человек, задумавшись, стоит у открытого окна и смотрит в ночное небо. Он одинок, и ночь еще более усиливает ощущение тоски... Ему не хватает близкого человека, который мог бы понять его, с кем он мог бы поделиться своими радостями и печалью. Но у него никого нет. Когда-то у него были друзья, любимая девушка, но все покинули его. Зачем тогда жить? Я думаю, что он бросится из окна”.

В рассказе отчетливо видна потребность в дружеских связях, удовлетворение которой заблокировано внешними обстоятельствами, тема (конфликт) — одиночество. Герой испытывает чувства тоски, безысходности; возможна аутоагрессия.

§ 3. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА РАССКАЗОВ ТАТ ПО Д. РАПАПОРТУ

Разработанный Мерреем принцип интерпретации ТАТ в качестве самой общей схемы используется представителями разных теоретических ориентации. В ходе теоретических дискуссий и экспериментальных исследований, развернувшихся после 1943 г. (дата выхода руководства по ТАТ), стали очевидны и слабые стороны этого подхода. Многочисленные модификации и дополнения мерреевской схемы возникали из более углубленного изучения двух вопросов: что искать в рассказах ТАТ, какие личностные особенности в них проецируются, и как это делать, т. е. на основе каких характеристик текста. Так, например, сам Меррей рассматривал “потребность” и в качестве конституирующего образования личности, и в качестве основной категории анализа рассказа. Это вытекало, во-первых, из допущения прямой идентификации испытуемого с “героем” и, во-вторых, отождествления психической активности субъекта в ситуации проективного исследования со свободным фантазированием в понимании Фрейда. Как оказалось, оба допущения Меррея далеко не всегда находят подтверждение на практике и отнюдь не

бесспорны чисто теоретически. Так, Лаза-рус, проанализировав эксперименты New Look, доказал, что непосредственное выражение потребности обнаруживается только в случае социальной приемлемости и умеренной интенсивности последней; в противном случае проекция потребностей опосредована механизмами защиты. Следовательно, ограничившись только этой категорией интерпретации, исследователь рискует либо обнаружить то, что известно и без ТАТ, либо пропустить нечто неулавливаемое категорией “потребность”. К тому же ситуация эксперимента, требование инструкции, неоднозначные, но в какой-то мере заданные сюжеты рассказов делают невозможным свободное, абсолютно недетерминированное реальностью фантазирование. Д. Рапапорт подчеркивает, что чистое фантазирование в ТАТ — случай патологический, связанный с ослаблением контролирующих функций “Эго” (71). Более оправданным, с его точки зрения, является представление о рассказе как продукте познавательной деятельности, когда неопределенный стимульный материал допускает трансформацию со стороны мотивационных или

индивидуально-личностных факторов, но в пределах и формах, контролируемых “Эго”. Рассмотрим более подробно подход Рапапорта, поскольку, на наш взгляд, в нем наиболее очевидно влияние психологии “Эго” и “Нового взгляда”.

Для более ясного понимания конкретных методических приемов, предложенных Рапапортом, уместно указать здесь на некоторые вводимые им теоретические различия. Прежде всего это касается разведения в тексте рассказа содержания, имеющего непосредственное отношение к стремлениям и чувствам личности (ideational content) и сюжетов-клише, полностью являющимися продуктом защитных механизмов [71]. Однако и в той части текста, которая наиболее тесно связана с центральными стремлениями личности, эти последние выражаются не столь непосредственно и прямо, как в мечтах и фантазиях, а также опосредованы механизмами защиты. Следовательно, рассказ всегда, за исключением грубой патологии, оказывается смесью фантазиоподобной продукции и сюжетов-клише. В качестве клише может выступать все, что реально не пережито индивидом и не является, таким образом, его аффективным опытом: литературные и кино-сюжеты, анекдотические истории, а также наиболее распространенные сюжеты, провоцируемые таблицами ТАТ. Существуют определенные трудности при отграничении клише от неклише. Дело в том, что любой “штамп” может быть преобразован в значимое для личности содержание с помощью особой интонации, использования необычного, только данному испытуемому присущего лексикона, введением в рассказ дополнительных персонажей и тому подобных апперцептивных искажений. К тому же, замечает Рапапорт, нередко литературные произведения или жизненные перипетии других людей настолько затрагивают наши чувства, что мы поистине начинаем жить в них и ими, и тогда они перестают быть просто усвоенными клише. С другой стороны, когда-то реально пережитое со временем теряет свою значимость и аффективную окрашенность, превращаясь в смутные воспоминания, едва отличные от клише. Все это заставляет экспериментатора быть особо чувствительным к любым проявлениям индивидуального стиля испытуемого.

В плане диагностики личности наиболее информативными Рапапорт считает отклонения от клише, в которых наиболее отчетливо проявляются реально существующие (или созданные фантазией) отношения, чувства и поступки, чрезвычайно значимые для внутреннего мира испытуемого. Подобное заключение выводится из понимания ideational content как продукта аффективной памяти, и его влияния на актуальные мыслительные процессы. Вместе с тем поскольку последние относятся к вторичным процессам “Эго” и, следовательно, находятся под его контролем, то и в них личностью значимая информация может маскироваться защитными механизмами. Выявить ее помогает анализ формальных характеристик построения рассказа, прежде всего любых отклонений от его стандартного построения; а также индивидуальные особенности речи, экспрессии испытуемого, необычные темы или даже едва заметные модификации сюжетов-клише².

Формальные характеристики содержания рассказа представляют собой некоторую абстракцию от текста и отвечают на вопрос, что обследующий ищет в рассказе ТАТ, каким образованиям личности релевантно его содержание. Рапапорт выделяет следующие категории:

1. Чувства, переживания, возникающие у испытуемого в процессе эксперимента (эмоциональный фон рассказа). Например, сочувствие к персонажу, солидарность с его поступками или, напротив, холодность, осуждение. Эта категория в какой-то мере сопоставима с идентификацией, но предполагает кроме отождествления и возможность более сложных отношений между испытуемым и героями его рассказов, например солидаризация, оппозиция и т. п.;

2. Персонажи рассказа. Ими могут быть либо представители самого испытуемого (в случае идентификации), либо значимые другие его “жизненного пространства”: родители, братья или сестры, супруг(а), дети, друзья;

3. Стремления и установки. Понимаются Рапапортом, как динамические тенденции, показатели основных мотивов личности [71]. Определяются по характеристике персонажей, с которыми идентифицирует себя испытуемый.

4. Препятствия или барьеры. Обнаруживаются в рассказе в виде мыслей и чувств основного персонажа или окружающих его лиц, в виде реальных действий других или социальных норм, препятствующих реализации стремлений испытуемого. Последние две категории аналогичны Мерреевским “потребности” и “давлению”.

Перечисленные категории и их взаимоотношения дают представление о содержании внутреннего мира испытуемого.

Теперь мы возвратимся к обсуждению роли формальных характеристик построения рассказа. Их специальное вычленение в качестве проективных показателей связано с более общими представлениями Рапапорта о мотивации и ее проекции в ТАТ. Так в структуру мотивации наряду с установками, стремлениями личности Рапапорт включает и ее индивидуальный стиль, т. е. ту особую “манеру”, с которой эти тенденции реализуются. Поэтому диагностически важно знать не только, что побуждает субъекта, но и то, каким образом он достигает желаемого. Тематический апперцептивный тест предоставляет сведения об обоих аспектах мотивации. Так, стиль построения рассказа косвенно указывает на некоторые важные личностные особенности испытуемого, например, по тому, как последний обращается со стимульным материалом, как строит сюжет, в какой мере его рассказ отличается от обычно продуцируемого на данную таблицу, можно судить не только о “зонах” его аффективных затруднений (конфликтах), но самое главное — о способах их разрешения (механизмах защиты). Для выделения тех или иных формальных характеристик автор предлагает применять метод сопоставления текста рассказа с пунктами инструкции и объективным значением таблиц. При этом строго ригидное следование объективным требованиям теста, так же как и грубые отступления от них, дают материал для построения гипотез относительно значимости их для диагностики личности. Ниже приведены некоторые формальные показатели и их интерпретация Рапапортом [71].

Формальное следование инструкции

В этом случае испытуемый соблюдает все пункты инструкции, но связный и развитый сюжет в рассказе фактически отсутствует. Например:

“Женщина стоит в дверях комнаты. Ей надо туда войти. Она откроет дверь и войдет. Она думает о том, что ‘ей надо войти в комнату’” (таблица №5). Если испытуемый интеллектуально сохранен, такой рассказ может отражать действие психологической защиты — уход от тем, связанных с конфликтными переживаниями.

Строго ригидное соблюдение инструкции

Испытуемый строит рассказ в строгом соответствии с пунктами инструкции, как бы дробя рассказ на соответствующие части. Такая стратегия ведения рассказа свидетельствует о повышенной ригидности, часто являющейся следствием тревожности, и показывает свойственный испытуемому способ ее преодоления.

Излишняя детализация рассказа

Рассказ испытуемого насыщен малосущественными деталями, порой граничит с простым описанием отдельных элементов картины. Так же как в предыдущем примере, указывает на повышенную тревожность; встречается у истероидных личностей.

Опускание тех или иных пунктов инструкции

а) отсутствие “прошлого” или “будущего”. В рассказе может отсутствовать указание на причины возникновения описываемой ситуации (прошлого) или ее исход (будущее). Это

может служить признаком существования каких-то конфликтных переживаний в прошлом и затрудненности планирования ввиду ожидания неблагоприятия в будущем.

б) отсутствие упоминания о мыслях или' чувствах персонажей. Степень разработанности рассказа в этом направлении отражает развитие рефлексии испытуемого, его способности к самоанализу и умения вчувствоваться во внутренний мир других людей. Представленность категории "мысли персонажей" при наличии в рассказе конфликтной ситуации свидетельствует о сохранном контроле над аффективностью, напротив, ее отсутствие указывает на чрезвычайную силу аффекта, опасность дезорганизации активности в стрессовой ситуации.

Отказ

Отказы в начале эксперимента встречаются, если испытуемый не понял инструкцию или отсутствует контакт с экспериментатором. Отказы на определенные картины свидетельствуют об особой значимости провоцируемых ими сюжетов.

Неупоминание отдельных частей или деталей картины.

Например, в рассказах на таблицу 3 ВМ может не упоминаться револьвер. Как правило, это указывает на то, что ассоциации, возникающие в отношении этих деталей, вызывают тревогу.

Введение в рассказ дополнительных деталей или персонажей

Практически всегда такие дополнения говорят об особой значимости разработанной темы, ее близости переживаниям испытуемого.

Перцептивные искажения

Испытуемый неправильно определяет пол персонажа (например, на таблицах 3ВМ, 10, 12), возраст или искаженно воспринимает какие-то детали картины. Например, на таблице 1 некоторые видят мальчика слепым, скрипку сломанной и т. д. Даже если исключить символическое значение подобных искажений, они, как правило, являются следствием глубоких конфликтов.

Восприятие картины, как рисунка, фотографии, кадра из кинофильма

Иногда может рассматриваться как своеобразное "отстранение" от травматогенной тематики рассказа.

§ 4. О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТАТ: СХЕМЫ С. ТОМКИНСА и М. АРНОЛЬД

В настоящее время существует около 20 схем интерпретации ТАТ, различающихся как категориями анализа рассказов, так и теми параметрами личности, исследовать которые предполагается с помощью ТАТ. В клинко-диагностических, а не экспериментальных целях используются лишь некоторые из них, а нередко психолог-практик заимствует какие-то пункты из нескольких систем одновременно. Ниже мы укажем еще две системы, в которых получили разработку некоторые важные в методическом отношении принципы ТАТ.

Подход, развитый С. Томкинсом, в частности некоторые категории анализа рассказов, широко используется при работе с методикой в самых разных психологических системах. С. Томкинс развил систему анализа рассказов ТАТ, предложенную Мерреем, введя ряд новых категорий, повышающих, по его мнению, достоверность методики [80].

1. Вектор характеризует психологическую направленность поведения, влечения и т. д.

Томкинс рассматривает 10 векторов, согласно имеющимся в английском языке предлогам, например, вектор *toward* обозначает направленность на получение положительной ценности от объекта; вектор *against* обозначает готовность к отрицательной оценке объекта.

2. Уровень характеризует “плоскость”, в которой разворачивается действие рассказа: описание объекта, события или поведения персонажа; воображение; память; чувства и т. д. Например, события могут разворачиваться в действенном плане, но также о них можно мечтать или вспоминать.

3. Условия — это любые психические, физические состояния разной валентности, которые сами по себе не выражают никакого желания или побуждения. Например, герой несчастен (—) или герой разбогател (+).

4. Квалификаторы используются для указания на временные, пространственные и силовые характеристики предыдущих категорий.

По сравнению со схемой Меррея существенно новым являются категории уровня и квалификаторы. Уровневый анализ позволяет определить преимущественный тип активности героя. Например, возможны два крайних случая:

1) во всех рассказах представлен только уровень поведения героя. Это характерно для крайне экстравертированной личности, у которой желания не знают “задержки” и непосредственно разряжаются во внешнем поведении;

2) герой не столько действует, сколько чувствует, вспоминает или размышляет. Это характерно для интравертированной личности, для которой весь мир заключен в ее собственных переживаниях.

Томкинс рассматривает последовательность, частоту, вариативность различных уровней. Здоровой адаптированной личности, по его мнению, присуще наличие всех уровней, причем в определенной последовательности: хочет — обдумывает — действует. Существенным для оценки характерологии или патологических симптомов может быть доминирующая фиксация на одном из уровней.

В системе Томкинса уделяется большое внимание психологическому смыслу квалификатора “отдаленности”. Степень отдаленности во времени или пространстве характеризует степень подавления потребности. Например, в рассказе выраженная агрессия против отца указывает на отсутствие подавления и большую вероятность непосредственной разрядки агрессивного влечения в поведении. Если же агрессия выступает, например, в форме борьбы с инквизицией, а действие рассказа переносится, скажем, в средние века, можно говорить о значительной степени подавления. Чем фантастичнее рассказ, чем более отдалено от реальности время и место действия, тем сильнее данная потребность испытывает подавление со стороны “супер-Эго”. Этот вывод согласуется с общим тезисом психоанализа о компенсаторной роли фантазии: потребности, которые вследствие культурных запретов не могут быть удовлетворены в поведении, усиливаются в фантазии.

Среди других, разработанных Томкинсом методических приемов, укажем на требование целостного контекстуального анализа протоколов ТАТ. Это означает, в частности, что “тема” не выводима, как полагал Меррей, из рассказа на каждую изолированную таблицу; ее можно определить только в контексте всей совокупности рассказов, путем выделения некоторых инвариантных формальных структур. Применим этот методический прием и рассмотрим гипотетический рассказ, в котором герой, работавший всю жизнь, внезапно теряет работу, становится пессимистом и кончает жизнь самоубийством. Такой рассказ сам по

себе не дает оснований для каких бы то ни было выводов о его смысле для личности испытуемого. Иное дело, если в других рассказах мы будем иметь дело с аналогичной или изменяющейся структурой формальных факторов. Например, данный рассказ может указывать на труд как на главную ценность, если в остальных рассказах угроза другим ценностям — любви, социальному положению — не приведет к серьезному неблагоприятию с точки зрения героя, а угроза труду в любом рассказе приведет к такому неблагоприятию. Рассказ может также интерпретироваться как повышенная чувствительность личности к угрозе любой потерн. В этом случае и в других рассказах должны встречаться потери — объектов, друзей, родителей, любви, которые приводят к пессимизму и суициду, в то время как в рассказах, не содержащих потери, герой будет оптимистичен, а исход благоприятен. Или, например, можно предположить, что этот рассказ выражает общую неуверенную позицию личности и ожидание неуспеха во всех начинаниях. Тогда все рассказы, содержащие желания или намерения героя, должны иметь неудачный исход. Окончательная гипотеза о смысле этого рассказа складывается, следовательно, в результате анализа всей совокупности рассказов. Последующее заключение о личности испытуемого составляется в терминах психоанализа и так называемой динамической психологии. Особое внимание уделяется изучению материалов ТАТ, относящихся к переживаниям раннего детства, что в целом согласуется с положением психоанализа о решающем значении этого периода жизни для развития личности. М. Арнольд строит свою систему анализа на отказе от некоторых постулатов “глубинной психологии”. Так, Арнольд отказывается от обязательных для системы Меррея постулатов об идентификации и о нереализованных глубинных влечениях как основном содержании рассказов. Материал рассказов отражает не столько эти тенденции, сколько социальные установки личности (аттитюды), т. е. представления о себе и своем социальном окружении, сложившиеся на основе индивидуальных или групповых систем ценностей. Эти установки детерминируют сюжет и исход рассказа, или его значение. Значение представляет собой как бы “мораль” рассказа, в которой обнаруживаются привычные ценности, мотивы и способы достижения целей. Мораль может быть “хорошей”, если поступки героя согласуются с общепринятыми нормами, и “плохой”, если герой действует наперекор им.

В результате анализа значений выводится так называемый мотивационный индекс (М. И.); он может быть положительным или отрицательным. Люди с адекватными жизненными установками, конструктивным подходом к решению собственных проблем, опирающиеся на сотрудничество с другими людьми, получают положительный М. И.; напротив, люди, склонные к импульсивным, деструктивным или непродуктивным действиям, — отрицательный М. И. В зависимости от знака М. И. прогнозируется возможность успеха в том или ином виде деятельности. Так, обнаруживается позитивная корреляция между положительным М. И. и успехом в обществе.

Подход М. Арнольд, несмотря на несколько наивное и прагматическое понимание условий преуспевания человека в обществе, содержит ряд моментов, в значительной степени игнорировавшихся другими авторами. Это в первую очередь относится к требованию контекстуального анализа рассказов ТАТ. В отличие от Меррея, она рассматривает рассказ не как агрегат тем, а как целостный продукт реорганизации впечатлений прошлого опыта, имеющий свой смысл, не раскрывающийся при анализе отдельных тем. Интерпретацию должен определять контекст, поэтому анализировать необходимо все рассказы как единое целое [38]. Так же чрезвычайно интересным представляется указание М. Арнольд на роль социальных установок в детерминации сюжета рассказов. Как бы ни подчеркивали сторонники психоанализа направленность ТАТ на выявление неконвенциональных, якобы присущих самой личности способов апперцепции внешнего мира, трудно предположить, что эта апперцепция свободна от влияния усвоенных личностью систем ценностей и нормативов. Подход М. Арнольд, при всех его несовер-

шенствах, указывает путь для более адекватной разработки подхода к анализу и интерпретации ТАТ.

Для решения каких же практических задач используется ТАТ? Как и другие проективные методики, наибольшее применение ТАТ находит в клинике неврозов и пограничных состояний. Как известно, невроз развивается в результате столкновения личности с обстоятельствами, препятствующими или угрожающими удовлетворению наиболее важных, значимых для нее потребностей. В клинической картине невроза существенное место занимает аффективный конфликт и спонтанно складывающиеся у больного способы его разрешения, не всегда осознаваемые самой личностью. В этих случаях ТАТ может дать информацию о ряде моментов, существенных как для диагностики невроза, так и для последующей психотерапии. Этими конкретными задачами определится и направление анализа проективного материала. В частности, для клинициста будут представлять особый интерес следующие особенности аффективной сферы личности и мотивации, диагностируемые ТАТ:

1. Ведущие мотивы, отношения, ценности.
2. Аффективные конфликты; их сферы.
3. Способы разрешения конфликтов: позиция в конфликтной ситуации, использование специфических механизмов защиты и т. д.
4. Индивидуальные особенности аффективной жизни личности: импульсивность — подконтрольность, эмоциональная устойчивость — лабильность; эмоциональная зрелость — инфантильность.
5. Самооценка; соотношение представлений о Я — реальном и Я — идеальном; степень принятия себя.

Понятия “конфликт”, “защита” не имеют для нас специфически психоаналитического значения. Вслед за Ф. В. Бассиным, мы рассматриваем психологическую защиту как явление преобразования “значений”, направленное на предотвращение конфликта “значащих переживаний”. Сам же конфликт может быть порожден столкновением любых аффективно окрашенных переживаний, а не только борьбой “сознательного” и “бессознательного”. Психологическая защита выступает в виде перестройки психической деятельности, смены психологических установок [3, 4].

Говоря о диагностической ценности ТАТ, необходимо подчеркнуть, что все выявляемые этой методикой закономерности и явления — не более чем потенциальные возможности, тенденции, установки личности. Поэтому неправилен прямой перенос данных ТАТ на характеристику личности и самого поведения без учета клинического материала и объективных условий жизни испытуемого. Категоризованный протокол ТАТ — не зеркальное отражение личности пациента, а материал для гипотез исследователя.

В настоящее время классический вариант ТАТ широко используется в клинике неврозов. Наряду с ним, в социальной детской, профессиональной и других областях прикладной психологии популярны разнообразные модификации ТАТ (вариант Мак-Клеланда и Аткинсона для исследования мотива достижения, детский ТАТ Беллака и другие). С классическим вариантом ТАТ их объединяет ряд формальных признаков:

- 1) аффективная насыщенность изображений;
- 2) их релевантность изучаемым переменным личности;
- 3) неопределенность тестовых условий;
- 4) инструкция, требующая придумать рассказ.

ГЛАВА IV

Методика чернильных пятен Г. Роршаха

Тест чернильных пятен — одна из наиболее популярных проективных методик — создан швейцарским психиатром Германом Роршахом в 1921 г. Есть сведения, что чернильные

пятна использовались еще Леонардо да Винчи и Боттичелли для “возбуждения фантазии”; в психологию их ввел А. Бине, исследуя с их помощью некоторые особенности интеллекта. Роршах одним из первых отметил связь между фантазио-подобной продукцией и типом личности. В ходе клинического и экспериментального исследования групп здоровых и психически больных испытуемых, путем сопоставления клинических характеристик и особенностей ответов Роршах выделил два типа восприятия: “В-тип” и “Fb-тип”, т. е. “двигательный” и “цветовой” тип [73]. Оказалось, что одни испытуемые склонны воспринимать пятна в движении, в продуцируемых ими образах людей, животных или предметов акцентируется прежде всего динамический аспект; другие испытуемые, напротив, фиксируют в своих ответах цветовой аспект. Тип восприятия или “тип переживания”, по Роршаху, характеризует преимущественно интраверсивные или экстраверсивные тенденции личности. Проводя аналогию с типологией Юнга, Роршах подчеркивает тем не менее и отличие соответствующих терминов. Согласно его воззрениям, экстра- и интроверсия — не противоположные и взаимоисключающие свойства личности, а тенденции, в большей или меньшей степени присущие любому человеку. Они указывают не столько на степень эффективности адаптации, сколько на реализующие ее индивидуальные механизмы. Неправоммерно также противопоставление интра- и экстраверта как “мыслительного” и “чувствующего” типа личности, поскольку адекватная адаптация предполагает участие как аффективных, так и познавательных процессов. Если нормально интроверсивный тип характеризуется лишь преобладанием кинестических ответов над цветовыми, то патологически интроверсивный тип — полным отсутствием цветовых. Точно так же различают нормально и патологически экстраверсивный тип. Кроме перечисленных двух типов личности Роршах выделяет еще “суженный”, для которого характерно малое количество ответов, связанных с движением и цветом или полное их отсутствие, и “амбиэквальный”, связанный с большим, но равным количеством и цветовых и кинестетических ответов. Указанные типы переживаний коррелируют с определенными компонентами интеллекта, аффективной динамикой, чертами характера и видом психической патологии.

Роршах разработал основные принципы анализа и интерпретации ответов, в последующие годы работа велась главным образом в направлении уточнения значения тех или иных показателей, разработки все более тонких способов шифровки, поиска патогномоничных показателей, а также попыток теоретического обоснования методики. В настоящее время наиболее популярным является подход, сформировавшийся под влиянием исследований “Эго-психологии” и экспериментов New Look. Перцептивный ответ рассматривается как продукт взаимодействия двух факторов: объективных свойств пятна и субъективных потребностей, конфликтов и механизмов их регуляции. В свете этого подхода тест Роршаха направлен на диагностику, главным образом, экспрессивного аспекта поведения или присущего личности индивидуального стиля [42; 44; 57; 77].

§ 1. ОПИСАНИЕ МЕТОДИКИ И СХЕМА ЭКСПЕРИМЕНТА

‘ Здесь и далее использовались руководства по тесту Клоппера, Бома, Лузли-Устери, Рапапорта (57; 7; 63; 71).

Материал теста состоит из 10 стандартных таблиц, выполненных в черно-белых, черно-красных и пастельных тонах. Каждая таблица представляет собой копию с оригинала, полученного при складывании пополам листа бумаги с нанесенным на нее чернильным пятном. Хотя рисунок пятна произволен и не поддается однозначной интерпретации, опыт работы с методикой показывает, что отдельные таблицы неравнозначны в отношении эмоционального воздействия на человека. Например, таблицы 1, 4, 6 чаще всего

ассоциируются со страхом и тревогой, а таблицы 9, 10, напротив, вызывают ощущения радости, праздника. Красные плоскости таблиц, напоминая кровь или огонь, вызывают беспокойство; это относится и к восприятию мелких деталей, расположенных вокруг вертикальной оси, часто ассоциирующихся с образами сексуального содержания.

Никаких предварительных сведений о цели эксперимента сообщать не рекомендуется, вместе с тем важно, чтобы испытуемый чувствовал себя как можно более непринужденно. Иногда это достигается рассказом о том, как получено изображение таблиц; можно связать это объяснение с известной детской игрой “в кляксы” и тем самым несколько разрядить обстановку. Целесообразно также подчеркнуть, что при выполнении задания испытуемый может давать любые ответы, ни один из которых не будет оцениваться как правильный или ошибочный. Таблицы предъявляются последовательно с 1 по 10 в стандартном положении, указанном на обороте таблицы. Предъявление первой таблицы сопровождается инструкцией: “Что это такое, на что это может быть похоже? В дальнейшем инструкция не повторяется, и испытуемому предоставляется полная самостоятельность. После окончания спонтанных высказываний испытуемому можно задавать стимулирующие вопросы типа “Что Вы можете добавить?”, “Это все?” и т. д. У робких испытуемых и невротиков возможны значительные расхождения между объемом спонтанной и дополнительной продукции. Ответы, полученные во время опроса, не включаются в расчетные формулы или подсчитываются с учетом коэффициентов.

Как правило, исследование включает собственно выполнение теста и опрос;

Клопфер считает необходимым в ряде случаев дополнять процедуру эксперимента фазой “определения границ чувствительности”.

Опрос

В этой фазе исследования выясняется, как субъект пришел к формулировке того или иного ответа, т. е. опрос всегда ориентирован на уточнение локализации образа и его детерминант. Экспериментатор обязан избегать прямых или наводящих вопросов и вместе с тем его задача — получить подробные сведения, облегчающие последующую шифровку ответов. Для выявления локализации ответа на таблице можно задать вопросы типа: “Где находится...?” или “Покажите мне...”. Во многих руководствах по тесту Роршаха для облегчения этой части опроса используют специальные карты, с нанесенными на них и обозначенными наиболее часто интерпретируемыми участками пятна. В отдельных случаях испытуемому предлагают сделать зарисовку фигуры на отдельном листе бумаги. Для уточнения детерминант ответа иногда бывает достаточно простых вопросов: “Что Вас заставляет думать о...?”, “Опишите подробнее то, как Вы видите...” и т. д. Полезно использовать следующий методический прием: субъекту предлагается альтернативный образ, отличающийся от фактически выбранного по одной или нескольким невыясненным детерминантам. Например, если испытуемый видит бабочку, но указывает лишь на характеристики, связанные с формой (усы, крылья), то можно спросить, может ли он это место пятна интерпретировать как мотылек. Если испытуемый действительно не ориентировался на цвет, то он не увидит никакой разницы между этими ответами.

Определение пределов чувствительности

В отличие от предыдущих фаз здесь экспериментатор сознательно оказывает давление на испытуемого, чтобы вызвать те реакции, которых тот избегает. С этой целью обычно используют различные приемы: просят выбрать самую приятную таблицу, затем самую неприятную; привлекают внимание испытуемого к тем особенностям пятна, которые игнорировались им при спонтанных высказываниях; наконец, предлагают образцы

возможных интерпретаций, отличных от тех, которые дает сам испытуемый, и т. д.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ШИФРОВКИ ОТВЕТОВ

Шифровкой называют обозначение и классификацию ответов с учетом пяти основных категорий: локализации, детерминанты, содержания, популярности/оригинальности, качества формы.

Основная цель шифровки — установление связи между ответом и элементом пятна, а также формализация ответа для последующих операций анализа и интерпретации.

Ответом считают высказывание, соответствующее целой кляксе или ее частям. Различают основные ответы (спонтанные) и дополнительные (полученные во время опроса); последние подсчитываются отдельно и в расчетных формулах учитываются со специальными коэффициентами.

Обозначение локализации ответа

Локализация ответа характеризует тип восприятия или “ментальный подход” по Клопферу. Локализация ответа определяется путем соотнесения образа с той или иной частью пятна.

1. Целостный ответ — W (Whole) обозначается в том случае, когда испытуемый фиксирует внимание на пятне в целом и продуцируемый им образ охватывает всю кляксу.

Таблица V². Летучая мышь — W.

² Примеры взяты из сборника упражнений по тесту Роршаха [41].

Таблица VI. Растеленная шкура — W. Д. Рапапорт предлагает рассматривать целостный ответ с точки зрения степени дифференцированности и интегрированности составляющих его частей:

1) ясно выраженное, хорошо артикулированное единство — W+,

2) удовлетворительное единство — Wo,

3) плохо артикулированное единство, синкретическое впечатление от всего пятна — Wv.

Эти дополнительные показатели позволяют в ряде случаев отдифференцировать целостные ответы, строящиеся на основе четкого анализа элементов пятна с их последующей интеграцией (хорошая артикуляция) от целостных ответов, возникших в результате глобального, синкретического восприятия пятна (плохая артикуляция).

2. Почти целостный ответ (W) — когда испытуемый интерпретирует примерно 2/3 кляксы.

Таблица III. Двое мужчин с бородами в костюмах — W.

Таблица II. Два человека на корточках, танцующие какой-то танец, — W.

3. Конфабуляторный целостный ответ (DW) обозначается в том случае, когда целостный ответ строится на основании интерпретации какого-то изолированного фрагмента, без учета остальной части пятна.

Таблица V. Нога, наверное, идущее животное — DW.

4. Ответы на крупные обычные детали

(D). К этой категории относятся интерпретации относительно крупной части пятна, которая легко отграничивается промежуточным пространством, оттенком или цветом от остальной части пятна.

Таблица VII. Ребенок показывает язык — D.

Таблица IV. Нога в громадном сапоге — D.

5. Ответы на мелкие обычные детали (a). Критерии выделения этой группы ответов те же, что и для (4). Отметим, что такой признак, как “обычность”, определяется эмпирически, как правило, используются таблицы Э. Бома с обозначенной на них локализацией ответов.

Таблица III. Голова птицы (d). Таблица VI. Голова с усами, напоминающая кошачью (d).

6. Ответы на необычные мелкие детали. Необычные детали (обобщенно обозначаются Dd) отличаются прежде всего редкостью их актуализации. Выделяют детали, относящиеся к внутренней части пятна, бордюру и некоторые другие виды Dd.

7. Ответы на промежуточное белое пространство (S) регистрируются, если само белое пространство становится “фигурой” на темном “фоне”. Когда испытуемый использует белое пространство в комбинации с темной частью таблицы, ответ обозначается как WS или DS.

Таблица II. Репа или лампа — 5. Занавеси, раздвинутые в сторону, в середине сцена — WS.

Основные детерминанты ответов

Детерминантами называют такие характеристики ответа, как форма, движение, цвет, оттенки. Одни из них обусловлены свойствами пятна, другие (движение) являются сугубо субъективным дополнением, проекцией испытуемого. Детерминанты, так же как и локализация, раскрывают способ “видения” человека, его избирательность в отношении тех или иных аспектов окружающей среды и собственного внутреннего мира.

Форма (F)

Детерминанта F показывает, что толчком к возникновению того или иного образа служила форма пятна, его контуры.

Таблица V. Летучая мышь, распростертые крылья, уши — WF.

Таблица III. Голова птицы — dF.

Ответы категории F могут различаться по качеству формы (“хорошая” или “плохая”). При “хорошей” форме образ соответствует конфигурации пятна, видимого четко во взаимоотношении отдельных своих частей (близко к W+}. Некоторые авторы предлагают статистический критерий — “хорошими формами” считаются те, которые интерпретируются наиболее часто. Однако статистический критерий на практике применяется редко; для определения качества формы в ряде случаев можно полагаться на список “хороших форм” (Бек, Лузли-Устери). Клопфер считает, что ответы типа “географическая карта”, “дым”, “облако”, “след” всегда шифруются как F~, так как не предполагают четкой определенной формы. Категория формы часто выступает в комбинациях с другими детерминантами ответа; некоторые из наиболее значимых “паттернов” будут рассмотрены ниже.

Движение (M, FM, m)

Это одна из наиболее важных детерминант образа, непосредственно не вытекающая из свойств самого пятна. Вместе с тем установлено, что конфигурация пятна, расположение светлых и темных промежутков на некоторых таблицах как бы провоцирует динамические образы. Так, например, по Роршаху ответы “две человеческие головы” (таблицы I и II), “два человека” (таблица III) всегда включают элементы кинестезии, даже если испытуемый не дает ясного вербального указания. Воспринимает ли субъект пятна в статике или динамике, часто выявляется во время опроса, при этом считается, что диагностировать M можно только при наличии переживания движения, т. е. своеобразной идентификации с движущимся объектом. Роршах полагал, что зрелая адаптированная личность может идентифицировать себя только с движущимися человеческими фигурами, поэтому он рассматривал только одну категорию ответов движения — M. В настоящее время большинство авторов считают необходимым учитывать все виды движения, охватывающие виды деятельности, позы, экспрессию независимо от того, приписываются ли они целым человеческим фигурам, ее частям, животным или статуям. В эту же категорию входят ответы с проекцией абстрактных сил, природных или механических воздействий, а также

движение неодушевленных предметов.

Шифр М обозначает ответы, в которых наличествует человеческая деятельность, даже если она приписывается животным, статуям или карикатурам.

Таблица VII. Это напоминает двух спорящих людей — WM.

Таблица I. Женщина с отрезанной головой и два джентльмена по бокам, похожие на привидения, — WM.

Таблица V. Мефистофель с рогами и копытами, укрытый ниспадающим плащом, — WM.

Таблица X. Два сверчка, ссорящиеся друг с другом, — DM.

Следует заметить, что знак М включает в себя обозначение формы, т. е. форма имплицитно присутствует в детерминанте М, даже если форма неопределенная или неадекватная; последний случай обозначается как М~.

Шифр FM обозначает ответы, в которых фигурируют животные (или карикатуры, рисунки) в свойственной им деятельности. Этим же знаком обозначают поведение дрессированных животных.

Таблица V. Насекомое с усиками летит к нам, длинные ноги — WFM.

Таблица II. Танцующие медведи — DFM.

Шифр т обозначает движения предметов, действие механических, абстрактных, символических сил. Знак Fm показывает, что движущийся объект обладает четкой формой, mF характеризует объекты с менее определенной формой и, наконец, т указывает на действие каких-то сил. Таким образом, различие между ответами, шифрующимися Fm, mF и т, определяется степенью выраженности и четкости формы.

Таблица IX. Эти штуки в середине похожи на палящие пушки — dFm.

Таблица X. Листья, падающие на землю (целое), — WmF.

Таблица X. Праздничная суматоха и беспорядок — Wm.

Оттенки (с, К, к)

Оттеночные детерминанты характеризуют ответы, в которых используются хроматические или ахроматические светотени. Использование эффектов светотени придает образам новые тонконюансированные качества: передает качества поверхности или структуры, глубину или перспективу, а также обуславливает восприятие трехмерных объектов на плоскости.

1. Поверхность или качества структуры в зависимости от степени выраженности формы шифруются как Fc, cF, с.

Таблица I. Женщина в прозрачной юбке — DFc.

Таблица VI. Чешуйчатая поверхность — DcF.

Таблица IV. Комья грязи — We.

2. Глубина, перспектива, дистанция, в зависимости от степени выраженности формы, шифруются как FK, KF, К.

Таблица VII. Оклахома, нефтяные вышки, одни дальше, другие ближе — DFK.

Таблица VII. Это облака, похожие на людей, — DKF.

Таблица V. Сплошная темнота — WK.

Ответы типа “изморозь”, “туман”, “дымка”, “дым” шифруются как K.F или K.

3. Проекция объектов на плоскость шифруется как Fk, kF, к. Под эту категорию попадают две группы — ответов — рентгеновские снимки и топографические карты.

Таблица I. Позвоночник DFk.

Таблица X. Похоже на карту рельефов — DkF.

Таблица IV. Здесь тени, чем-то напоминающие рентгеновский снимок, — Wk.

Цвет (С и С')

Детерминантой “цвет” охватываются ответы, в которых обращается внимание на цвет пятна. Различают детерминанты двух видов — хроматические (красный, Коричневый, зеленый, желтый) и ахроматические (черный, белый, серый). | 1. Хроматический цвет может выступать в комбинации с формой (FC, CF) или в чистом виде (C). Место детерминанты указывает на относительное преобладание в ответе цвета или формы.

Категорией FC обозначаются ответы, в которых ведущую роль играет форма или форма и цвет уравновешены.

Таблица II. Красные носки — FC.

Таблица IX. Красивое бальное зеленое платье — FC.

Категорией CF обозначаются ответы, где ведущую роль играет цвет, но наличествуют элементы формы.

Таблица IX. Очень много цвета, может герб или афиша — CF.

Таблица VIII. Водоросли или подводное цветущее растение — CF.

Категорией C обозначаются ответы четырех ТИПОВ — C, Cn, Cdes, Csym.

C — чистый цвет; в ответах этого типа естественный цвет объектов (красный для крови, голубой для неба) используется не опосредуясь формой, например, “кровь”.

Cc — название цвета, при отсутствии его содержательных толкований, например:

“Какое множество цветов — розовое, желтое, голубое, зеленое” (таблица X).

Cdes — описание цвета, обычно сочетается с восприятием таблицы как художественного произведения, например: “Наверное, это акварельный этюд” (таблица IX).

Csym — символическая интерпретация цвета: “Какая радостная картина, цвет весны и возрождения” (таблица X).

2. Ахроматический цвет, так же как хроматический, может выступать в комбинациях с формой (FC', C'F) и иметь под-

варианты в виде названия, описания и” символической интерпретации (Cn, Cues, Csym).

Шифровка содержания ответов

Этот этап работы с экспериментальным материалом не представляет особых трудностей и заключается в отнесении ответа к одной из категорий классификации. Нет нужды перечислять их все, ниже приводятся условные обозначения для наиболее распространенных категорий.

H — человеческие целые или почти целые фигуры;

(Я) — человеческие фигуры, которые истолковываются в рисунках, карикатурах или фантастические фигуры духов, ведьм и проч.;

Hd — детали человеческой фигуры;

(Ha) — детали человеческой фигуры, изображенной на рисунке, в скульптуре, или детали фантастических фигур;

L — целые или почти целые фигуры животных;

(Л):—мифологические звери, чудовища, карикатуры, нарисованные звери;

(Л) — антропоморфные животные;

Ad—детали тела животных.

(Ли?)—детали тела антропоморфного или фантастического животного.

At—анатомические органы человека.

AAAt—анатомические органы живот-зго.

Sex — половые органы.

Obj — предметы.

N—пейзаж, ландшафт, реки, вид с высоты полета и т. д.

Шифровка популярности— оригинальности ответов

Эта часть анализа экспериментального материала представляет некоторые трудности ввиду отсутствия статистически значимых данных для разных популяций. Руководства по тесту Роршаха, как правило, содержат списки популярных ответов, полученных наиболее компетентными исследователями в области Роршах-техники. Следует обратить внимание, что не все ответы могут быть зашифрованы согласно этой категории. В приложении III приводим список популярных ответов (Р) по Б. Клопферу.

Оригинальными (О) считаются ответы, встречающиеся один раз на сотню ответов. Если образ неадекватен пятну, производит впечатление вычурности, его шифруют как 0~. Оpozнание оригинальных ответов требует большого опыта самостоятельной работы с текстом, поэтому на практике можно пользоваться простым указанием на тенденцию к оригинальности (--0).

§ 3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ШИФРОВКИ

Интерпретация тестового материала представляет значительные трудности, и именно эта фаза работы с методикой наиболее уязвима для критики. До сих пор, несмотря на огромную популярность теста Роршаха, многочисленные публикации крупнейших специалистов в Роршах-технике, основные принципы интерпретации не имеют удовлетворительного теоретического обоснования. Это относится прежде всего к оценке психологического значения тех или иных категорий анализа. Тестом Роршаха диагностируют структурные характеристики личности: индивидуальные особенности аффективно-потребностной сферы и познавательной деятельности (когнитивный стиль), внутриличностные и межличностные конфликты и меры борьбы с ними (защитные механизмы), общую направленность личности (тип переживания) и т. д. Вместе с тем связь отдельных показателей (или их паттернов) с указанными параметрами личности доказана лишь эмпирически. И действительно, с точки зрения научной психологии, пока еще трудно объяснить, почему, например, ответы типа “форма” отражают рациональные интеллектуальные тенденции, а ответы типа “цвет” — контролируемую или импульсивную эмоциональность. В этой связи уместно сослаться на высказывание А. М. Эткинды (1980), одного из советских исследователей в области Роршах-техники: “...без теории, связывающей средство измерения, в данном случае — показатели теста Роршаха — с объектом измерения — свойствами личности — тест сохраняет свою близость с гороскопом, ...в равной степени непонятно, как работают оба”. Считается, что изолированный показатель приобретает психологический смысл в “контексте”, т. е. определяется сочетанием многих показателей, образуя целостную конфигурацию или паттерн. Однако это верное в методическом отношении замечание не решает проблемы теоретического обоснования связи показателей теста с теми или иными аспектами личности.

Дискуссионен и вопрос о том, что выявляет тест — структуру личности, или частные индивидуальные особенности. Некоторые исследователи полагают, что в обоснование теста необходимо ввести дополнительную объяснительную категорию, конституирующую отдельные показатели теста в соответствии с целостным модусом личности. Так, в экспериментах В. Г. Норакидзе были получены корреляции между индивидуально-типологическими свойствами фиксированной установки и ансамблем показателей теста Роршаха. Динамичной, константно-стабильной установке соответствуют следующие данные теста: отсутствие чисто цветовых ответов, хорошая форма, оптимальное (4—5) количество популярных ответов, почти полное отсутствие ответов с оттеночными детерминантами. Напротив, грубостатичной, возбудимой установке соответствует преобладание чисто цветовых ответов или ответов типа цвет-форма, обилие ответов, связанных с интерпретацией ахроматических оттенков, оригинальные ответы нечеткой формы и т. д. Если нормально адаптированной личности свойствен первый из описанных ансамблей

показателен, то конфликтную невротическую личность с высоким уровнем тревоги характеризует второй ансамбль показателей [18].

Эти данные, на наш взгляд, согласуются и с рядом теоретических соображений о единой установочной природе когнитивного и личностного стиля и возможности его диагностики тестом Роршаха.

Психологический смысл локализационных показателей

Локализация ответа (целое пятно или деталь) указывает на способ подхода к познанию объектов и явлений окружающей действительности, стремление охватить ситуацию во всей сложности, взаимозависимости ее компонентов или интерес к частному, специфическому, конкретному.

Хорошо артикулированные, интегрированные целостные ответы в сочетании с четкой формой (WF+) — показатели высокого интеллекта с теоретической направленностью. Напротив, синкретичные или конфабуляторные ответы (DW), не соответствующие форме пятна (WF-), указывают на интеллектуальные нарушения, например, при шизофрении или не критичность, “субъективизм” и чрезмерное честолюбие. В норме целостные ответы составляют 20—30% от общего числа ответов на все таблицы. Использование больших и обычных маленьких деталей характеризует конкретную психическую ориентацию мышления (норма D — 45—55%, d — 5—15%). Значительное преобладание малых деталей ($d > 15\%$) может указывать на излишний педантизм или симптом навязчивости. Редкие детали (Dd), как правило, свидетельствуют о неуверенности, тревожности и попытках справиться с ними (в частности, на таблицах IV—VI). В отсутствие других показателей аффективного неблагополучия (Dd) указывают на любознательность, оригинальность мышления (при F+).

Толкование белого фона (5, WS, DS) интерпретируется у экстравертов как свидетельство негативизма, стремления противостоять влиянию окружения или у интровертов — противопоставление самому себе, неуверенность, чувство неполноценности.

В норме испытуемый, как правило, начинает с толкования целого пятна, затем его элементов и, наконец, фона. Такая последовательность (W—D—d—Dd—S) указывает на систематический логически упорядоченный подход к реальности. Вместе с тем, если она сохраняется неизменной при интерпретации всех таблиц, можно говорить о ригидности, стереотипности мышления и адаптации в целом. Последовательность считается упорядоченной, если она, сохраняя указанный порядок в большинстве таблиц, варьирует в зависимости от структуры самого пятна. Хаотическая беспорядочная последовательность, очевидно, связана с нарушениями адаптации или (редко) встречается у особо одаренных лиц “художественного” типа.

Психологический смысл основных детерминант. Форма

Форма (F) является одной из самых популярных детерминант ответа и более чем все остальные характеризует собственно процесс структурирования, организации неопределенного материала. Лузли-Устери интерпретирует F+ как проявление сознательных конструктивных тенденций личности, способности разумно контролировать свои аффективные побуждения. Клопфер также считает F+ показателем интеллектуального контроля и “силы Эго”, т. е. степени и качества адаптации к реальности. Чем больше F+ (норма — 20—50%), тем более “беспристрастно” человек способен разрешать жизненные проблемы и придерживаться объективности, не попадая под влияние ситуационных эмоций. В то же время при небольшом количестве M, FC', Fc увеличение F сверх нормы указывает на ригидность, “сверхконтроль”, недостаток спонтанности, в некоторых случаях выступая

как механизм защиты от чрезмерной аффективности и предрасположенности к конфликтам. Низкий процент F (<20%) на фоне M, Fc, FC' говорит о недостаточно эффективном интеллектуальном контроле и возможных "прорывах" субъективности.

Четкая "хорошая" форма свидетельствует о наблюдательности точности, реалистичности мышления; в норме подобные ответы составляют 80—90%, более низкий процент четких форм отмечается при шизофрении и истерических неврозах; в последнем случае интерпретируется как невротическое торможение мышления.

Кинестетические показатели (M, FM, T)

Психологическая интерпретация кинестетических показателей — самая сложная и противоречивая часть работы с тестом Роршаха. Считается, что этот показатель наиболее интимно связан с внутренним миром личности, хотя существуют разные точки зрения на то, какие именно тенденции представляет M. Большинство исследователей расценивают M как проекцию бессознательных глубинных слоев жизни личности, поскольку в отличие от цвета и формы, обусловленных объективными качествами пятна, движение как бы привносится самим субъектом. Исходя из этого, кинестезии часто связывают с творческими способностями, высоким интеллектом, развитым воображением. Роршах рассматривал M в связи с интраверсивной направленностью личности, т. е. умением человека "уйти в себя", творчески переработать (сублимировать) аффективные конфликты и тем самым добиться внутренней стабильности. Подобное толкование смысла M как будто бы подтверждалось исследованием определенного контингента испытуемых — актеров, художников, людей умственного труда. Вместе с тем последующие экспериментальные проверки продемонстрировали зависимость этого показателя от ряда других факторов, например, адаптированности, степени дифференциации "Я", возможности открытого отреагирования аффективных побуждений во внешнем поведении и т. д. Имеются также данные о связи M с особенностями межличностных отношений, в частности представлением человека о самом себе и своем социальном окружении, способности к сопереживанию и пониманию других людей [55, 57]. Согласно этим данным, M является многомерной переменной, конкретное значение которой определяет контекст, т. е. уникальное для данного человека сочетание всех остальных показателей. Неоднозначность M отчасти вытекает из того факта, что эта детерминанта имплицитно содержит две другие детерминанты — F и H. Видимо, поэтому Клопфер считает человеческие кинестезии признаком осознанной, хорошо контролируемой, принимаемой субъектом внутренней жизни — собственных потребностей, фантазий и самооценки. Роршах дифференцировал M также на активные (тело в экспансивном движении) и пассивные кинестезии (согнутые, наклоненные позы). Первые говорят об активной доброжелательно-кооперативной жизненной установке, вторые указывают на пассивность, тенденцию к избеганию трудностей, вплоть до позиции "прочь от мира".

Таким образом, человеческие кинестезии указывают на:

- 1) интраверсивность;
- 2) зрелость "Я", выражающуюся в сознательном принятии собственного внутреннего мира и хорошем контроле над эмоциями;
- 3) творческий интеллект (при .F+);
- 4) аффективную стабильность и адап-тированность;
- 5) способность к эмпатии.

В протоколах здоровых, хорошо приспособленных, зрелых испытуемых должно содержаться по крайней мере 3M. Как указывалось выше, диагностировать M следует только в случае переживания движения, т. е. идентификации с движущимся объектом. Роршах и некоторые современные авторы рассматривают в качестве M движения, позы, мимику

только человеческих существ или антропоморфных животных. Клопфер формулирует эту мысль точнее: символом М обозначаются движения, передающие человеческую деятельность, например разговаривающие животные, ссорящиеся гусеницы и т. д.

Движение животных (FM)

Символом FM американские психологи обозначают движения животных, частей тел животных или их карикатур в присущей животным деятельности. Идентификация с кинестезиями FM, как правило, свидетельствует о незрелости личности. В противоположность М кинестезии животных отражают менее осознанные, менее контролируемые влечения, не в полной мере принимаемые личностью. Полное отсутствие FM говорит о подавлении примитивных влечений, возможно, в силу их неприемлемого содержания.

Движение неодушевленных объектов (Fm, mF, m)

Этими символами обозначаются движения объектов, механических или абстрактных сил, например, бегущий ручей, развивающиеся фалды и т. д. Очевидно, что идентификация с неодушевленными объектами указывает на глубинные неосознаваемые, неконтролируемые импульсы, нереализованные желания. Их недоступность сознанию часто переживается субъектом как ощущение тревоги, страха, свидетельствует о высокой внутренней конфликтности. Вместе с тем некоторое количество FM и m в определенном соотношении с М является допустимым и характеризует богатство и живость внутреннего мира личности, спонтанность ее аффективных проявлений, развитое воображение на фоне хорошего контроля и адаптированности.

Оттенки

А. Текстура, поверхность (Fc, cF, c). Использование оттенков в ответах говорит о чувствительности человека к тонким нюансам межличностных отношений. В сочетании с формой оттенки указывают на способ управления потребностью в привязанности, зависимости, опеке со стороны других людей.

Fc означает не только потребность в подобных связях, но и способность к учету потребностей других. Потребность в контактах контролируется и принимает социализированные формы. Оптимальное количество Fc говорит о сензитивности, чуткости; слишком большое число Fc свидетельствует о несамостоятельности, пассивности, зависимости; недостаток Fc указывает на отсутствие этих чувств.

cF характеризует менее зрелую, грубо проявляющуюся потребность в контактах, вплоть до физических, иногда сексуального характера.

c является симптомом неконтролируемой, недифференцированной потребности в опеке и физических контактах.

Б. Глубина, перспектива (FK, KF, K). Как правило, эта детерминанта рассматривается как отражение способов борьбы с тревожностью. Достаточно многочисленные FK встречаются при осознании и эффективном преодолении страха; вместе с тем отсутствие FK, практически не значимо.

KF и K. относятся к показателям тревоги как следствии фрустрации потребности в привязанности. Более чем 3K. указывают на высокую степень фрустрации и отсутствие механизмов ее преодоления.

В. Проекция трехмерных объектов на плоскость (Fk, kF, k). По Клопферу, эта детерминанта указывает на тревожность, поиск контактов, который может маскироваться

интеллектуализацией. Ответы Fk означают более успешную рационализацию, чем kF и k.

Цвет (С и С')

Цветные ответы, начиная с Роршаха, рассматривались как признак аффективной откликаемости в отношении окружающей среды, как экстравертированная направленность личности. Эту детерминанту принято учитывать в сочетании с формой; последняя указывает на степень контролируемости, социальности, зрелости аффекта.

FC — признак эмоциональности хорошо контролируемой, обуславливающей адекватность межличностных отношений.

CF — менее контролируемая эмоциональность, аффективная спонтанность с элементом эгоцентризма, внушаемости, инфантильности.

C — эксплозивность, импульсивность, как правило, патологический симптом.

Cn — попытки воздействовать на эмоциональную ситуацию скорее магическим, чем реалистическим образом.

Cdes — интеллектуальный подход, сознательное отношение к эмоциональным ситуациям.

Csym — творческий подход, эстетические склонности.

Ахроматический цвет FC', C'F, C' интерпретируется аналогично хроматическому, рассматривается как признак “смягченной нюансированной аффективности”. Анзье и Лузли-Устери, однако, связывают реакцию на светлые и темные пятна с глубинными примитивными механизмами различения света и тьмы, в силу чего C' указывает на глубокую дисфорию, грусть, отсутствие доверия к себе, пессимизм и тревогу [37, 63]. Роршах также видел в ответах C' признак недостаточной адаптированности.

Содержание

Качественный анализ ответов сравнительно недавно привлек внимание исследователей, так как считалось, что он дает характеристику скорее категориального аппарата мышления, чем особенностей личности (Рапапорт). По мнению одних авторов, анализ содержания предполагает символическую интерпретацию ответов (Шафер, Лузли-Устери); Клопфер считает содержание ответов прежде всего индикатором широты интересов личности, направленности ее мотивов.

Категория “животные” (A) наиболее распространена в ответах как здоровых, так и психически больных людей. В умеренных количествах свидетельствует о возможности взаимопонимания, кооперации в области мышления; свыше 50% A указывает на стереотипию, бедность интересов. Считается, что образы хищных животных отражают агрессивные тенденции, домашних — пассивность и зависимость.

Категория “люди” (H) связана с восприятием себя, своего тела и своих отношений с другими людьми. Восприятие исключительно отдельных частей тела часто указывает на возможные конфликты, например, в сфере сексуальных отношений. Большое значение имеют поза, мимика, аффективная окрашенность образа: например, дерущиеся люди могут отражать враждебность чувств и установок испытуемого, в то время как смеющиеся, танцующие фигуры, напротив, удовлетворенность и оптимизм. Сходство со сказочными, фантастическими персонажами часто встречается при неспособности идентифицировать себя с реальными людьми, трудностях в сфере межличностных отношений. В норме протокол содержит около 15% ответов H. Имеются данные о проекции в содержании ответов Я личностно-значимых переживаний и конфликтов. Например, женщина, страдающая от одиночества, видит фигуры мужчин и женщин, удаленных друг от друга.

Из ответов других категорий отмечают “анатомию”, “географию”, которые, если не

являются отражением профессиональных интересов, указывают на “комплекс интеллигентности”, желание блеснуть. Большое количество ответов сексуального содержания, как правило, наблюдается у лиц с трудностями сексуальной адаптации; полное отсутствие ответов сексуального содержания на таблицах IV, VI, VII указывает на глубокое подавление конфликта в этой сфере, которое может выдавать себя в символических образах. Абстрактные интерпретации рассматриваются как проявление определенной интеллектуальной склонности, но иногда (на таблицах IX, X) — как защита от чрезмерной аффективности, ее переработка путем рационализации.

Известны попытки выявления символического характера содержания: так, “глаза” интерпретируются как подозрительность, слежка, “щипцы” — лишение силы, “открытая пасть” — пожирающая мать, “маска” — желание скрыть свое “истинное лицо” спрятаться и т. д. [7]. Лузли-Устери считает необходимым символически интерпретировать также локализацию ответа относительно горизонтальной и вертикальной осей [63]. Согласно психоаналитическим представлениям, вертикаль символизирует мужское начало, горизонталь — женское; тогда ответы, расположенные вдоль вертикальной оси, будут указывать на поиск поддержки у отца, стремление к власти; ответы вдоль горизонтальной оси символизируют поиск убежища у матери, потребность в безопасности, беззаботности. Склонность интерпретировать края пятна указывает на бегство от тревоги; предпочтение верхней части пятна отражает стремление к духовной власти, нижней части — тенденцию к депрессии, пассивности, подчинению.

Популярные—оригинальные ответы

Популярность (банальность) ответа трактуется как выражение нормального интеллектуального конформизма — человек видит мир, как все. Отсутствие популярных ответов может указывать на патологический негативизм, аутизм, нарушение адаптации. Не существует статистически выверенного списка популярных ответов, которые, естественно, несколько варьируют в разных популяциях. Как правило, используются данные, полученные наиболее известными исследователями в области Роршах-техники (Бек, Клопфер). Оригинальные ответы свидетельствуют о творческих способностях, однако О- — патологический признак дезорганизации мышления, потери контакта с реальностью.

§ 4. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ТЕСТА

Полученные тестом Роршаха данные интерпретируются в зависимости от теоретических установок исследователя. Можно говорить о существовании по крайней мере двух направлений в развитии Роршах-техники: первое, представленное швейцарской и французской клиническими школами (Лузли-Устери, Опп, Бом) опирается на постулаты ортодоксального психоанализа и видит в тесте средство выявления различных инстинктивных влечений и их символического выражения; второе направление (Клопфер, Рапапорт) своими теоретическими истоками уходит в психологию “Эго”, экспериментальные исследования New Look, и в качестве основной категории интерпретации рассматривает когнитивный стиль личности. В последнем случае тест выступает в качестве своеобразной “задачи”, “адаптация” к которой определяется как собственно интеллектуальными возможностями испытуемого, так и имеющимися у него средствами контроля и регуляции аффективной жизни. В связи с исследованиями New Look процесс структурирования пятна стал трактоваться исходя из взаимодействия “внешних” и “внутренних” факторов. Согласно такому подходу, интерпретация пятна представляет собой акт “категоризации”; тот или иной ответ рассматривается как “гипотеза”, детерминированная свойствами стимула — пятна и субъективными факторами — потребностями,

аффективными конфликтами, индивидуальным когнитивным стилем [42; 44]. Таким образом, заключают авторы, процесс структурирования неопределенного стимульного материала отражает формальную структуру внутреннего мира личности, присущий ей способ видения себя и своего социального окружения.

Интерпретируя результаты теста, Клопфер [57], в частности, выделяет три взаимосвязанных подсистемы личности, в той или иной степени раскрывающиеся в индивидуальном способе структурирования пятна: интеллект, аффект, функции “Эго” [57]. Каждая из этих подсистем в свою очередь обладает собственной структурой. Так, характеристика познавательной деятельности включает следующие параметры: интеллектуальный статус, способ подхода (тип восприятия), устойчивость к эмоциональным воздействиям, продуктивность, оригинальность и т. д. При анализе аффективной сферы личности отмечаются эмоциональный тон восприятия, способы реагирования на эмоциогенные ситуации, контроль над аффективностью, специфика самооценки (принятие или отвергание себя и собственных неосознаваемых побуждений, возможность сопереживания и понимания других людей и т. д.). Говоря о функциях “Эго”, Клопфер имеет в виду прежде всего присущие индивиду особенности контакта с реальностью: объективность отражения, зоны конфликтов, психологические механизмы контроля и защиты. Подобный подход к анализу данных теста, несмотря на ряд недостатков и прежде всего — связь с психоаналитической моделью личности, позволяет выявить индивидуальные характеристики познавательной деятельности в их связи с аффективной сферой и направленностью личности.

При дальнейшем изложении материала мы будем придерживаться схемы, разработанной Бруно Клопфером [57], обращая внимание не столько на содержательный, сколько на формальный аспект обработки экспериментальных данных.

Интерпретация теста может включать несколько этапов; ее “глубина” зависит как от задач, стоящих перед экспериментатором, так и от его теоретических установок. В общем случае первый, “аналитический” этап состоит в выделении ряда параметров (тип переживания, характеристика интеллекта и т. д.), значения которых вычисляются по так называемым формулам. Формулы имеют своим источником прежде всего клинический эмпирический опыт, а также основаны на ряде принятых автором теоретических положений. Второй этап заключается в соотнесении между собой отдельных показателей теста и создании своего рода их “ансамблей”, паттернов. Считается, что изолированный показатель не может служить надежным индикатором, в то время как “ансамбль” обеспечивает достаточную обоснованность вывода. Последним шагом является переход от описания тех или иных сфер личности к характеристике ее целостной структуры. Как считает Бом, чем выше квалификация психолога, чем в большей степени он способен к интуитивному синтетическому мышлению, тем более “глубокой” будет и интерпретация [7]. Учитывая методический характер настоящего пособия, мы ограничимся описанием начальных этапов работы с материалом теста; предлагаемые здесь параметры и способы обработки даются с небольшими сокращениями.

Интерпретация основных показателей теста и их соотношений

Тип переживания. Напомним, что понятие “тип переживания” как соотношение интраверсивных и экстраверсивных тенденций личности введено Роршахом на основе эмпирического сопоставления двух типов восприятия: так называемого цветового типа (Fb-тип) и двигательного (В-тип). Согласно Роршаху, различают 5 групп типов переживания. Тип переживания является коартированным, когда показатели обеих сторон оказываются 0 или 1 (типы: 0:0, 1:0, 0:1, 1:1). При показателях не выше трех на каждой стороне тип переживания называют коартативным. Тип переживания при

приблизительном равновесии сторон с показателями выше трех называют амбиэквальным (например, 5:6, 8:8, 9: 11). Если М значительно преобладает, Роршах называет тип переживания интраверсивным; при преимуществе на стороне С — экстратенсивным. Для обоих последних типов следует еще различать, имеет ли слабовыраженная сторона только меньшие показатели или они вовсе отсутствуют; если полностью отсутствует одна из сторон, говорят об интраверсивности без экстратенсивности или об эгоцентричной экстратенсивности. Тип переживания вычисляется по формуле М: Sum C , где М — количество ответов с человеческими кинестезиями, Sum C — количество ответов с использованием хроматического цвета. Учитывая, что цветовая детерминанта может выступать в комбинации с формой, Sum C выводится со следующими коэффициентами:

$$\text{Sum C} = \frac{3C+2CF+1FC}{2}$$

Формулу М: Sum C называют иногда первичной, в отличие от нее вторичная формула, разработанная Клопфером, учитывает все виды кинестезий, а также детерминанты ахроматического цвета (С") и светотени (с)— $FM+m: Fc+c+C1$ куда все детерминанты входят в абсолютных величинах, согласно психограмме. Из соотношения первичной и вторичной формул выводится тип переживания личности как относительного преобладания интраверсивных или экстратенсивных тенденций. Противоположная направленность формул (например, интраверсивность в первичной, а экстратенсивность во вторичной или наоборот), как правило, свидетельствует об актуальных конфликтных переживаниях личности.

Согласно Роршаху, та или иная направленность личности должна рассматриваться не как застывшее свойство, а как динамический баланс разных тенденций. Интраверсивный тип характеризует людей, побудителями поведения которых выступают преимущественно внутренние стимулы — их собственные мотивы, а не требования среды. При относительно редуцированной откликаемости на воздействия извне интраверсивность не равнозначна аутистической погруженности во внутренний мир и уходу от действительности. В то же время интраверсивность предполагает развитую способность к творческому воображению, в случае фрустрации выполняющего компенсаторно-защитные функции. При экстратенсивном типе переживания наибольшей побудительной силой обладают стимулы внешней среды; индивид характеризуется лабильной аффективностью, открытой экспрессией, широкими, но несколько поверхностными социальными контактами. У людей с амбиэквальным типом переживания интра- и экстратенсивные тенденции чередуются: человек может на время замыкаться в себе, как бы черпая новые силы в собственном внутреннем мире, а затем вновь обращается к активности во внешнем мире.

Коартированный и коартативный типы переживания часто характеризуют сухих чопорных людей, склонных к поучениям, не обладающих ни оригинальностью мышления, ни живостью чувств, зато стойких и надежных. Наряду с нормой эти типы встречаются у депрессивных невротиков или скомпенсированных больных шизофренией. Дополнительные характеристики того или иного типа переживания, например, стабильность, лабильность аффекта, степень осознанности, подконтрольности потребностей и влечений, выводятся из сопоставления первичной и вторичной формул с другими числовыми соотношениями.

Аффективность и степень ее контролируемости

Общая эмоциональная реактивность определяется исходя из ряда показателей:

а) Sum C — открытая эмоциональная реактивность на внешние стимулы; в норме $\text{Sum C}=3$;

б) процент ответов на три последние (VIII—X) цветные таблицы должен быть равен или

превышать 40%; при $R7-10 < 30\%$ испытуемый заторможен, недостаточно спонтанно реагирует на эмоциогенные характеристики окружения;

в) если латентное время на хроматические таблицы превышает латентное время на ахроматические более чем на 10 секунд, это означает, что испытуемый плохо контролирует свои эмоции, которые вносят дезорганизацию в его деятельность.

Контроль над аффектом в широком смысле слова включает регуляцию процесса удовлетворения потребностей в соответствии с “барьерами” реальности. В тесте Роршаха различают “внешний” контроль — включение аффективных процессов в интеллектуальные (своего рода интеллектуальная опосредствованность аффекта), и “внутренний” контроль, осуществляющийся путем реорганизации потребностей в иерархическую систему, где высшие потребности контролируют низшие.

Внешний контроль диагностируется следующим ансамблем показателей:

а) процент ответов $F+$; в норме не должен превышать 20—50%, что указывает на эффективность контроля. Свыше 80% ответов $F+$ при малом количестве M , FC и C' означает усиленный контроль, “сверхконтроль” со стороны интеллектуальных, произвольно контролируемых процессов, недостаток спонтанности;

б) процент ответов $F-$ показывает слабость контроля из-за недостаточной связи с реальностью;

в) процент ответов с использованием дифференцированных (включающих форму) детерминант светотени: $(FK+F+Fc) \%$, характеризует степень подконтрольности потребности в контакте и эмоциональной привязанности к другим людям. Увеличение $FK+F+Fc$ свыше 75% указывает на дефицит эмоциональной спонтанности;

г) степень зрелости аффекта, его адаптированности в соответствии с требованиями реальности выводится из соотношения $FC: (CF+C)$, где FC обозначает контролируемую, социально приемлемую аффективность; CF — эгоцентризм, внушаемость, слабый социальный контроль, C — импульсивность, отсутствие контроля. Нормальный контроль определяется при $FC > CF+C$, если $CF+C \neq 0$.

Внутренний контроль может быть определен как возможность “задержки” в удовлетворении низших потребностей (влечений), указывает на степень структурирования мотивационной системы и регуляции влечений со стороны высших потребностей; диагностируется соотношением показателей кинестезии.

а) При $M > 2 \cdot FM$ ($FM \neq 0$) непосредственная разрядка влечений уступает место их контролю со стороны осознаваемых мотивов; такое соотношение характеризует зрелую личность с относительно стабильной и гармоничной аффективной жизнью.

б) $FM + m > M$ указывает на преобладание неосознаваемых, как правило, подавляемых импульсивных тенденций, создающих высокий уровень тревожности; характеризует инфантильную незрелую личность с плохо контролируемой аффективностью и глубокими конфликтами.

Оценка интеллектуальных возможностей

Тест Роршаха не является, как известно, средством измерения интеллекта, однако он позволяет оценивать познавательные возможности субъекта в ситуации аффективных затруднений.

По данным теста получают такие характеристики интеллекта, как высокий — низкий, четкий — расплывчатый, гибкий — ригидный, теоретический — практический и т. д. Укажем признаки некоторых из этих качеств. Признаками высокого творческого интеллекта Роршах считал M и F . Хотя впоследствии M стали приписывать релевантность другим областям психического функционирования, большинство авторов считают полное отсутствие M показателем низкого интеллекта или интеллектуальной деградации; наличие же 3—5 M — указывает на интеллект выше среднего. Для высокого интеллекта характерно наличие не менее 80% ответов типа “форма”, причем четкость или расплывчатость

интеллекта отражается в показателе качества формы (F+ или F~). Высокий интеллект отличается также большой продуктивностью (не менее 20—45 ответов на 10 таблиц), отсутствием стереотипии (не более 50% ответов “животные”), наличием оригинальных ответов (если они сочетаются с хорошей формой) .

³ Неопределенная форма пятна, причудливые сочетания светотени, ярких и пастельных красок создают, как правило, состояние эмоциональной напряженности, иногда доходящее до ощущения дискомфорта. В процессе структурирования пятна это отрицательное эмоциональное состояние преодолевается — в этом смысле говорят, что способ работы испытуемого с тестом представляет собой модель его поведения в “экстремальной ситуации”.

Гибкость интеллектуальной тактики можно проследить, анализируя последовательность локализационных показателей на каждую из 10 таблиц (сукцессия). Обычно испытуемые начинают с интерпретации целого пятна, затем постепенно переходят к вычленению деталей — больших, малых, редких и, наконец, интерпретируют белые промежутки. Последовательность W—D—d—Dd—S называется упорядоченной и свидетельствует о систематическом и дисциплинированном интеллекте. Однако указанная последовательность не должна быть ригидной, поскольку разнообразие конфигурации пятен на таблицах I—X требует достаточной свободы в выборе тактики интерпретации. Интеллектуальная ригидность проявит себя в неизменной последовательности локализационных показателей, некорректируемой объективными качествами самого пятна.

По проценту целостных (W) и детальных (D и d) ответов судят соответственно о теоретической или практической направленности интеллекта. Имеет значение соотношение целостных ответов и кинестезий, дающее представление о степени реализации интеллектуальных возможностей:

$W > 2M$ означает, что интеллектуальные данные используются не в полной мере, что может стать причиной заниженного уровня притязаний и повлечь за собой конфликтные переживания.

Представленность разных по содержанию ответов характеризует интеллектуальную направленность интересов.

В какой степени интеллект устойчив к эмоциогенным воздействиям, удастся проследить, анализируя следующие показатели:

1) качество формы в ответах на цветные таблицы — появление F~ указывает на дезорганизацию познавательных процессов;

2) влияние “шоков” ⁴ на качество и количество последующих ответов;

3) “хорошие” (O⁺) или “плохие” (O⁻) оригинальные ответы на цветные таблицы или после “шоков”.

4) индикация аффективных конфликтов и защитных механизмов.

Особые феномены

В отличие от интерпретативных методик типа ТАТ тест Роршаха, как правило, не вскрывает содержания конфликтных переживаний личности. Однако не будучи непосредственно представленными в ответах испытуемого, они тем не менее могут диагностироваться опосредованно — путем изучения динамики интерпретации в процессе исследования. Объектом анализа становятся любые “отклонения” в поведении испытуемого, его комментарии, особенности работы с каждой таблицей, изменение латентного времени и количества ответов на особо значимые таблицы и многое другое. О наличии конфликта говорят и нарушения контроля, описанные выше, а также особые феномены — шоки и отказы. Все перечисленные феномены позволяют диагностировать, во-первых, зону конфликта, во-вторых, индивидуальные способы борьбы с ним, т. е. защитные механизмы [7]. Отказы и шоки являются наиболее грубыми механизмами защиты, аналогичными подавлению.

Отказом называют такую поведенческую реакцию, когда испытуемый не дает никаких интерпретаций на ту или иную таблицу. Не следует путать отказ как невротическую реакцию с отказом, свидетельствующим о грубом интеллектуальном снижении. Психогенная природа отказа часто выявляется при сравнении бедного малопродуктивного протокола в основной части эксперимента и большого количества добавлений во время опроса или определения границ чувствительности. Наиболее часто отказы встречаются при интерпретации II, IV, VI и IX таблиц.

Шоки представляют собой невротическую реакцию защиты от аффекта, как правило, вытеснение аффекта или его конверсию в фобию [7].

Шок диагностируется при наличии следующих “отклонений”:

- 1) снижение продуктивности или ухудшение качества ответов (появление ответов плохой формы (F~) конфабуляторных (DW) или плохих оригинальных ответов O-);
- 2) отсутствие детерминант цвета при интерпретации цветных таблиц;
- 3) отсутствие обычных популярных ответов;
- 4) внезапное изменение способа восприятия, например, игнорирование целых или цветных частей пятна и “бегство” в белый фон;
- 5) увеличение латентного времени ответа;
- 6) негативные аффективные оценки (дискредитация теста или собственных способностей), мимические, интонационные изменения, молчание, восклицание и тому подобное.

Наиболее сильным признаком шока является снижение количественной и качественной продуктивности ответа. Различают цветовые, кинестезические токи, шок на красное, на пустоту и некоторые другие виды. Как правило, содержательная интерпретация шока проводится в духе психоанализа: шок на красное — символ вытесненной агрессии, шок на пустоту — отрицание женственности и т. д. [7; 63].

Диагностика конфликта и механизмов защиты

Конфликт, диагностируемый по данным теста Роршаха, может иметь различную природу. В самом общем виде внешний конфликт порождается противоречием между непосредственной аффективностью — потребностями, требующими немедленного, непосредственного удовлетворения и социально-общественной необходимостью в их “задержке” и опосредовании. Вместе с тем конфликт может вызываться столкновением противоположных тенденций внутри самой системы потребностей. И в том, и в другом случае средствами разрешения конфликта будут выступать механизмы защиты и контроля. Не всегда различие между этими видами регуляторных механизмов выступает в явном виде. В теоретическом плане указывается, что защитные механизмы пускаются в ход только в ситуации аффективного конфликта, в то время как контроль действует и в аффективно-нейтральной ситуации. Если механизмы защиты призваны косвенным путем служить удовлетворению “низших” инстинктивных потребностей, то механизмы контроля обеспечивают удовлетворение “высших” мотивов — интериоризованных сознательных целей и относятся к регуляции более развитых социализированных форм познавательной мотивации [56, 72].

В тесте Роршаха в качестве “симптомов” конфликта рассматриваются разнообразные отклонения от нормального соотношения определенных показателей, появление “особых феноменов”, высокий уровень тревожности, снижение эффективности контролирующих механизмов, а также включение тех или иных механизмов защиты. Ниже мы приводим список показателей конфликта; напомним, что наличие в протоколе одного из них не дает оснований для достоверных заключений, напротив, чем больше показателей конфликта обнаруживается в протоколе, тем надежнее вывод.

Некоторые показатели конфликта

1. CF+C>FC

2. $FM+m>M$

3. $F+\%>80$

4⁵. $FK+F+Fc>75\%$

⁵ См. о психологическом смысле показателей 1—4 гл. IV, § 4.

5. Иногда полное отсутствие кинестезий;

6. Разная направленность первичной и вторичной формул типа переживания.

7. Соотношение дифференцированных и недифференцированных показателей светотени:

$K+KF+k+kF+c+cF>FK+Fk+Fc$. Преобладание недифференцированных показателей указывает на эгоцентрическую, малоосознанную, недостаточно контролируемую потребность в привязанности, физических контактах. Неудовлетворение этой потребности приводит к резкому возрастанию уровня тревожности—главного симптома конфликта.

8. Соотношение ахроматических и хроматических показателей: $Fc+c+C'>FC+CF+C$ — преобладание ахроматических показателей указывает на аутистические тенденции, иногда депрессию.

9. Показателями конфликта (совместно с другими показателями) могут являться также отказы, шоки, открыто выражаемые фобии, внезапные изменения обычной перцептивной стратегии.

Некоторые авторы проводят специальную диагностику защитных механизмов. Эта задача решается путем сопоставления клинических проявлений того или иного защитного механизма с его аналогами в тесте Роршаха. Подчеркнем, однако, что эта часть интерпретации теста пока еще недостаточно разработана, поэтому приведенные здесь данные представляют интерес не столько в плане практической диагностики, сколько в исследовательском отношении.

В качестве примера приводим признаки вытеснения и изоляции.

Признаками вытеснения считаются:

1) чрезвычайно “бедный” протокол в основной процедуре и значительное количество добавлений во время опроса или определения границ чувствительности;

2) большое количество отказов;

3) наличие шоков;

4) немногочисленные ответы на цветные таблицы;

5) девитализация — скульптура, бюст, статуя человека.

Признаки изоляции обнаруживаются в:

1) преобладании нейтральных по содержанию ответов;

2) минимуме или полном отсутствии M , C , C' ;

3) $F+>85—90\%$; $F>80\%$;

4) $A>45\%$;

5) преобладающей интерпретации деталей, прежде всего — редких;

6) в юмористических истолкованиях неприятного или дисфорического содержания, а также мнимо беззастенчивых сексуальных интерпретациях;

7) в содержании ответов — объекты, машины, лед и снег, статуи.

Для более тонкого понимания причин дезадаптации испытуемого бывает полезно провести последовательный анализ ответов на каждую таблицу. Следует обратить внимание на наличие или отсутствие в протоколе обычно продуцируемых популярных ответов (см. список популярных ответов в приложении III), отсутствие их часто является симптомом аутизма, недостаточного контакта с реальностью или невротического торможения.

Анализ последовательности детерминант, латентного времени и времени ответа на таблицу I позволит увидеть спонтанную тактику поведения и реагирования испытуемого в новых ситуациях. Кроме того, некоторые ответы могут иметь особое значение для понимания “проблем” личности. Заметим, однако, что содержательная интерпретация ответов — наиболее спорный и малообоснованный момент анализа, поскольку последний,

как правило, опирается на психоаналитическое толкование тех или иных “символов”. Так, считается, что ответ “голова кошки” (W) на таблице I может свидетельствовать о боязни внешнего мира, “человек в прозрачных одеждах” (D центральное) — об интересе к скрытым мотивам людей.

По таблице II впервые диагностируется реакция на цвет и красный цвет, в частности: имеет смысл сравнить латентное время реакции на таблицы I и II, отметить, нет ли признаков шока. При анализе ответов на таблицу III обращают внимание на содержание интерпретаций: восприятие крайних фигур как кукол, а не живых людей (девитализация) может указывать на аффективную бедность или патологический синдром психического автоматизма; восприятие центральной нижней части пятна как “щипцов” иногда указывает на паранойдность и фобию.

Таблицы IV, V, VI нередко провоцируют “темповой шок”, фобии, депрессию и суицидальные тенденции, ответы сексуального содержания (IV и VI особенно) или, напротив, ступор на сексуальное содержание образов.

Таблица VII считается “женской” и может вскрывать конфликты в сфере женской сексуальной адаптации. В таблице VIII анализируются реакции испытуемого на вновь появляющийся цвет. Насыщенные пастельными тонами, составленные из рассеянных пятен таблицы IX-X представляют трудности для целостной интерпретации поэтому целостные ответы (W) свидетельствуют о продуктивном творческом интеллекте и эффективном контроле эмоций. Таблица X вызывает наибольшее количество популярных ответов, отсутствие которых может быть диагностически значимо

Содержание ответов часто раскрывает направление интересов, особенности вкусов и оценок испытуемого, иногда указывает на возможную зону конфликта

‘ Здесь и далее использовались руководства по тесту Клоппера, Бома, Лузли-Устери, Рапапорта (57; 7; 63; 71).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о применении проективных методик в отечественной психологии остается остро дискуссионным. Между тем, представляются неверными любые крайности при решении этого чрезвычайно важного вопроса. Сейчас, когда психологи нуждаются в экспериментальных приемах исследования личности, тем более важно сделать объектом специального исследования проективные методики, своей многолетней историей доказавшие пригодность к разрешению многих задач прикладной психологии.

Формальные принципы построения проективного эксперимента, его так называемая проективность — “глухая” инструкция, отсутствие оценки со стороны экспериментатора, акцент на мотивационном аспекте деятельности — широко используются в любом личностно ориентированном исследовании. Отметим, кстати, что на этих принципах давно уже строятся эксперименты в нашей патопсихологической практике. Это не исключает, а, напротив, делает более необходимой исследовательскую работу по обоснованию проективного метода с позиций советской психологии, по созданию нового “словаря” объяснительных понятий. Нужны новые схемы анализа и интерпретации экспериментальных данных, отвечающие теоретическим подходам к исследованию личности, разрабатываемым в марксистской психологии.

Исследования в этом направлении представляются перспективными и по следующим соображениям. Дело в том, что связь частных методик с той или иной теорией не является абсолютно жесткой и неизменной, и проективные методики, порожденные психоанализом, впоследствии начинают “отвязываться” от него, приобретать относительную автономию и включаются в иные концептуальные системы. Это дает нам право ставить вопрос о возможности соотнесения проективного метода и с определенными концепциями отечественной психологии. Продуктивность использования проективных методик в

прикладных психологических исследованиях не вызывает сомнения, но этапу широкого внедрения их в практику должен обязательно предшествовать этап теоретической апробации.

В частности, проективный метод может быть обоснован исходя из общетеоретического положения о пристрастном характере психического отражения и отношения человека к миру социальных явлений. Согласно развиваемому тезису специфика проективного метода состоит в его направленности на выявление прежде всего субъективно-конфликтных отношений и их представленности в индивидуальном сознании в виде “личностных смыслов” или “значимых переживаний”. Однако, в отличие от традиционно психоаналитической точки зрения, мы рассматриваем конфликт не как следствие борьбы между разными инстанциями, или уровнями, “внутри” личности, а как порождение структуры и динамики условий самой жизнедеятельности субъекта.

В предложенной парадигме можно объяснить и многие явления, традиционно обозначаемые в зарубежной психологии термином “проекция”. Например, известный социально-психологический феномен “козла отпущения” возникает из-за противоречия между испытываемой субъектом потребности в агрессии и отсутствием подходящего с точки зрения общественных норм объекта ее удовлетворения. Здесь, как и в других случаях, мы имеем дело с преградным характером обстоятельств конкретной деятельности человека и их отражением в виде личностного смысла этих обстоятельств.

В проективном исследовании моделируются (конечно, в обобщенно-схематической форме) наиболее распространенные жизненные ситуации. Но именно потому, что они не реальность для испытуемого, он обладает как бы большей свободой поведения в них, чем в жизни. А это значит, что в подобных “модельных” ситуациях проявляются не только закрепленные привычкой стереотипы эмоционального и поведенческого реагирования, не только потребности и мотивы, открыто демонстрируемые каждодневно, но и оставшиеся “непроигранными”, нереализованными субъектом. В качестве барьеров, преград, затрудняющих их реализацию, выступают объективные или субъективные обстоятельства деятельности — жесткие и порой не поддающиеся изменению требования действительности, нравственные или правовые нормы, качества собственной личности. Можно думать, что именно преграда в деятельности побуждает субъекта к смыслообразованию — оценке жизненного значения для него преградных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах. Этот процесс и воссоздается в проективном исследовании, однако в воображаемых ситуациях он может быть не вполне тождествен процессу смыслообразования в реальной жизнедеятельности. Так, далеко не всегда он выступает в форме сознательной рефлексии личностного смысла тех или иных преградных обстоятельств, но может проявляться и более непосредственно — в форме переживания потребности, стремления, чувства радости или обиды. Нередко, правда, деятельность по поиску смысла заменяется деятельностью по его маскировке, и в этом случае мы будем иметь дело с процессом смыслообразования, но осуществляющимся в искаженной форме.

Предложенное нами обоснование проективного метода безусловно не единственно возможное; в рамках деятельностного подхода могут и должны развиваться и иные теоретические парадигмы. Не вызывает сомнения лишь необходимость исследований в этом направлении, без которых внедрение проективных методик в диагностическую практику неизбежно будет порождать методологический эклектизм.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТРЕБНОСТЕЙ ПО МЕРРЕЮ

1. Доминантность — в рассказе герой стремится контролировать, оказывать влияние, направлять поведение словом, приказом, убеждать, препятствовать, ограничивать других.
2. Агрессия — стремление словом или действием опозорить, осудить, проклясть, поиздеваться, унижить, уничтожить противника.
3. Поиск дружеских связей — стремление к дружбе, любви; добрая воля, симпатия к другим людям, страдание при отсутствии дружеских отношений, желание сблизить людей между собой, убрать препятствия.
4. Отвержение других — стремление отвергнуть попытки сближения; герой критичен и груб, других “ни во что не ставит”, чрезмерно уединен, неприступен, беззастенчив.
5. Автономия — превалирование бегства от всякого ограничения, желание освободиться от опеки, режима, порядка, регламентации тяжелой работы. Герой во взаимоотношениях с другими капризен, невожат, эгоцентричен, любит перемену мест, путешествия.
6. Пассивное повиновение — пассивное подчинение силе, принятие судьбы, интра-пунитивность, признание собственной неполноценности.
7. Потребность в уважении, поддержке проявляется в рассказе, где персонаж испытывает уважение по отношению к другим (родителям, руководителю, учителю, выдающемуся человеку), выражает желание работать под руководством более сильного, умного, талантливого, стремится стать чьим-то последователем.
8. Потребность достижения — желание преодолеть, победить, опередить других; сделать что-то быстро и хорошо, достичь высшего уровня в каком-либо деле, быть последовательным и целеустремленным.
9. Потребность быть в центре внимания проявляется в желании героя завоевать других, привлекать внимание к себе, удивлять своими достижениями и качествами личности.
10. Потребность игры — предпочтение игры всякой другой серьезной деятельности, желание развлечений, кутежей, любовь к остроумию. Иногда сочетается с беззаботностью, безответственностью.
11. Эгоизм (нарциссизм) — стремление ставить превыше всего свои интересы, быть довольным собой, автоэротизм, болезненная чувствительность к унижению, застенчивость; тенденция к субъективизму при восприятии внешнего мира; часто сливается с потребностью в агрессии или отвержении.
12. Социальность (социофилия) — забвение собственных интересов во имя интересов группы, альтруистическая, направленность, благородство, уступчивость, забота о других.
13. Потребность поиска покровителя — ожидание совета, помощи, беспомощность, поиск утешения, совета, мягкого обращения.
14. Потребность оказания помощи — герой — всеобщий утешитель и “друг скорбящих”, полон желания заботиться о других, оказать материальную помощь, предоставить убежище.
15. Потребность избегания наказания — сдерживание собственных импульсов с целью избегания наказания, осуждения, потребность считаться с общественным мнением; герой воспитан, сдержан, любезен, придерживается общепринятых правил.
16. Потребность самозащиты — герой всегда во всеоружии в отношении возможного противника, ему трудно признать свои ошибки, вечно оправдывается ссылкой на обстоятельства, стремится отстаивать свои права, отказывается проанализировать свои ошибки.
17. Потребность преодоления поражения, неудачи отличается от потребности достижения акцентом на самостоятельности в действиях. Основные черты героя — сила воли, упорство, бесстрашие.
18. Потребность избегания опасности — герой испытывает страх, тревогу, ужас, панику, ему присущи безмятежная осторожность, отсутствие инициативы, уклонение от борьбы. В

рассказах может выступать в образе грозных сил природы, диких и хищных животных; в темах несчастных случаев, грубых игр, социальных потрясений.

19. Потребность порядка — тенденция героя к упорядочиванию, аккуратности, точности, красоте.

20. Потребность суждения — стремление ставить общие вопросы или отвечать на них, страсть к абстрактным формулировкам, обобщениям, увлеченность вечными вопросами о смысле жизни, добре и зле и т. п.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ДИАГНОСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СЮЖЕТЫ ПО ТАБЛИЦАМ ТАТ

(по Д. Рапапорту и Л. Беллаку)

Таблица 1. Мальчик со скрипкой.

Выявляет отношение к родительским требованиям, вообще, долгу (уступчивость, строптивость); дает представление о потребности достижения и ее возможной фрустрации, способах преодоления трудностей и достижения успеха. Незнание скрипки в отдельных случаях может указывать на конфликты в сексуальной сфере.

Таблица 2. Деревенская сцена: на переднем плане молодая женщина с книгой в руках, вдали мужчина работает в поле, женщина постарше смотрит на него.

Выявляет представление испытуемого о семейных отношениях; фигура женщины справа часто провоцирует темы, связанные с будущим материнством; гетеро- и гомосексуальные установки (на фигуру мужчины); довольно часты темы бунта против семейной тирании (на фигуру девушки с книгой).

Таблица 3BM. На полу рядом с кушеткой скрюченная фигура мальчика, рядом с ним на полу — револьвер.

Выявляет состояние депрессии, суицидальные намерения, тенденцию к избеганию наказания или принятию вины¹.

Таблица 3FG. Молодая женщина стоит с опущенной головой, закрыв правой рукой лицо, левая рука протянута к двери. Картина аналогична предыдущей; дополнительно выявляет причины депрессии и чувства вины.

Таблица 4. Женщина обнимает мужчину за плечи, мужчина как бы стремится уклониться от нее.

Выявляет конфликт между притязаниями женщины и стремлением к свободе мужчины; нередко темы супружеской неверности; вообще позволяет проявиться установкам испытуемого в сфере сексуальных отношений.

Таблица 5. Женщина средних лет стоит у полуоткрытой двери и заглядывает в комнату.

Выявляет отношения и ожидания, связанные с матерью; показателен образ матери — заботливой, опекающей, осуждающей и т. д.

Таблица 6BM. Невысокая пожилая женщина стоит у окна спиной к высокому молодому мужчине с виноватым или смущенным выражением лица.

¹Таблицы с индексом BM предъявляются юношам и взрослым мужчинам, FG — девушкам и взрослым женщинам; таблицы с простой числовой нумерацией — взрослым испытуемым обоего пола.

Выявляет сыновне-материнские чувства:

привязанность, зависимость, опека-подчинение.

Таблица 6FG. Молодая женщина, сидящая на краю кушетки, вполоборота повернута к мужчине средних лет, который, возможно, обращается к ней.

Отчасти аналогична предыдущей и выявляет отношения дочь—отец, но также и установки по отношению к мужчине, старшему по возрасту или положению.

Таблица 7BM. Седовласый мужчина смотрит на молодого мужчину, который глядит в пространство.

Выявляет отношение взрослого мужчины к отцу или авторитетному лицу (согласие, зависимость, потребность в уважении, подчинении или отвержении, автономии).

Таблица 7FG. Женщина сидит на кушетке рядом с девочкой, разговаривая или читая ей. Девочка держит в руках куклу и смотрит в сторону.

Выявляет отношение между матерью и дочерью. Кукла может восприниматься как младенец, и такая интерпретация иногда показывает отношение к будущему материнству.

Таблица 8BM. Подросток мальчик на переднем плане, справа виден ствол ружья, на заднем плане туманная сцена хирургической операции.

Выявляет честолюбивые мечты и стремления к достижениям; нередко - агрессивные тенденции и способы их контроля: агрессия может выражаться непосредственно, например, в теме хирургической операции или косвенно указывать на объект враждебности.

Таблица 8FG. Молодая женщина сидит, опершись на руку, и задумчиво смотрит.

Обычно выявляет мечты о будущем или актуальный эмоциональный фон.

Таблица 9BM. Четверо мужчин вповалку лежат на траве.

Выявляет установки к работе, мужской дружбе, иногда гомосексуальные тенденции или боязнь телесного контакта.

Таблица 9FG. Молодая женщина с журналом и сумочкой в руках смотрит из-за дерева на другую женщину, бегущую по пляжу.

Выявляет отношение между женщинами, часто соперничество сестер или из-за мужчины. Может выявить депрессивные и суицидальные намерения, параноидные тенденции подозрительности и преследования.

Таблица 10. Голова женщины на плече мужчины.

Обычно выявляет отношение к потере объекта любви. Если таблица интерпретируется как объятие двух мужчин — это сильный довод к диагностике гомосексуальных тенденций.

Таблица 11. Дорога, пробивающаяся вдоль скал. На дороге вдали странные фигуры, с одной стороны видна шея и голова дракона.

Выявляет отношение к опасности извне, способы борьбы с тревожностью. Иногда чудовище символизирует эндогенные страхи, связанные с бессознательными влечениями.

Таблица 12BM. Молодой человек лежит на кровати с закрытыми глазами, над ним — склонившаяся фигура пожилого мужчины, его руки простерты к лицу лежащего.

Выявляет отношения к авторитету, потребность в зависимости или страх воздействия. Иногда в косвенной форме позволяет выявить установки к лечению, в зависимости от того, видится ли склоненный мужчина как угрожающий или помогающий.

Таблица 12FG, Портрет молодой женщины, скрюченная старая женщина в платке гримасничает позади.

Выявляет отношение к матери, иногда замужеству или старости,

Таблица 13M. Молодой человек стоит, закрыв лицо руками, позади фигура женщины, лежащей в постели.

Выявляет сексуальные установки, конфликты, страх агрессии со стороны мужчины (у женщин), чувство вины (у мужчин).

Таблица 14. Силуэт мужчины (или женщины) на фоне ярко освещенного окна, вся остальная поверхность картины черная.

Выявляет общий фон настроения, иногда депрессивные и суицидальные тенденции, честолюбивые мечты.

Таблица 15. Изможденный человек с опущенными руками стоит среди могил.

Выявляет отношение к смерти, иногда в символической форме отражает агрессивные чувства к какой-либо фигуре социального окружения (желание его смерти);
прогностична в отношении суицида.

Таблица 16. Пустой бланк. Выявляет насущные жизненные проблемы, оптимистические или пессимистические установки.

Таблица 17BM. Обнаженный мужчина взбирается (или опускается) по канату.

Выявляет страхи, тенденцию бегства от чего-то, иногда мотив достижения, соревнования.

Таблица 17FG. Мост над водой, женская фигура у перил, позади высокие здания и маленькие фигурки людей.

Выявляет ожидания и отношения какой-то сложной ситуации, иногда суицидальные тенденции.

Таблица 18BM. Мужчина схвачен сзади тремя руками, фигуры его противников не видны.

Выявляет агрессивные тенденции, иногда страх гомосексуальной агрессии; могут также проявиться установки на взаимопомощь, потребность в дружеском участии.

Таблица 18FG. Женщина держит за шею другую женщину, которую она, кажется, сталкивает с лестницы.

Выявляет агрессивные тенденции у женщин и способы управления ими.

Таблица 19. Туман, обволакивающий покрытую снегом кибитку.

Выявляет страхи, тревожность.

Таблица 20. В темноте одинокая фигура у фонаря.

Выявляет страхи, чувство одиночества

²Следует подчеркнуть, что интерпретация рассказа отнюдь не сводится к выявлению описанных выше тенденций; Меррей указывает на 20 потребностей, диагностируемых

стандартным набором ТАТ. Специальный акцент на агрессию и сексуальность делается ввиду возможного их существования как латентных, неосознаваемых личностью влечений, а также их особой значимости в происхождении невротических конфликтов.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

СПИСОК ПОПУЛЯРНЫХ ОТВЕТОВ (по Б. Клопферу)

Таблица I (целое или усеченное). Любое существо с телом в центре D и крыльями по бокам. Фигура может видаться в статике или движении.

Таблица II (черная область, часть или целое).

Любое животное или часть тела собаки, медведя или быка; часто указывается на свойства поверхности (мех, шкура).

Таблица III (вся черная область). Два человеческих существа или животные в человеческом облике с ногами, видимыми сбоку внизу; фигура может восприниматься в движении.

Таблица IV (красное в центре D). Галстук-бант, кожаная лента или бабочка. Цвет может использоваться, а может и не приниматься в расчет. Таблица V³ (целиком).

³Клопфер считает, что таблицы IV, VII и IX не имеют универсально популярных ответов, хотя в определенных популяциях на, эти таблицы могут даваться ответы типа Р.

Любое существо с Крыльями, с телом в центре D и крыльями по бокам, в стандартном положении или “вниз головой”, в статике или движении.

Таблица VI (целиком или без верха или низа пятна).

Шкура любого животного, где оттенки создают впечатление меха или кожи с рисунком. Если оттенки отрицаются, то ответ обозначается как -> (Р).

Таблица VIII (боковое розовое D). Любое четвероногое животное в движении. Рыба или птица шифруются как —>(Р).

Таблица X (боковое голубое D). Любое животное с большим количеством ног — краб, осьминог, паук.

Таблица X (центральное зеленое D со светло-зеленым или без него). Любое удлиненное зеленое животное, такое, как змея или гусеница. Цвет должен использоваться.

Таблица X (светло-зеленое D). Голова любого животного с длинными ушами или рогами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20
2. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979
3. Басси н Ф. В., Прангишвили А. С., Шерозия А. Е. Роль неосознаваемой психической деятельности в развитии и течении соматических и клинических синдромов.— В кн.: Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Тбилиси, 1978,
4. Бассин Ф. В., Рожнов В. Е., Рожнова М. А. К современному пониманию психической травмы и общих принципов ее психотерапии. — В кн.: Руководство по психотерапии. М., 1974.
5. Беспалько И. Г. Статистические и клинико-диагностические аспекты категории локализации в методе Роршаха. — В кн.: Психологические методы исследования личности в клинике. Л., 1978.
6. Блейхер В. М., Бурлачук Л. Ф. Психологическая диагностика интеллекта и личности. Киев, 1978.
7. Бом Э. Учебник по психодиагностике. М., 1978.
8. Бурлачук Л. Ф. О проекции как принципе построения методов исследования личности.— В кн.: Вопросы диагностики психического развития. Тезисы симпозиума. Таллин, 1974.
9. Бурлачук Л. Ф. Проблема исследования бессознательного психического проективными методами. — В кн.: Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Тбилиси, 1978.
10. Гильбух Ю. З. Актуальные проблемы валидации психологических тестов. — “Вопросы психологии”, 1978, № 5.

11. Гильяшева И. Н. О возможности использования метода ТАТ при изучении личности больного в психоневрологической клинике. — В кн.: Психологические методы исследования в клинике. Л., 1967.
12. Зейгарник Б. В. Патопсихология. М., 1976.
13. Исследование личности в клинике и экстремальных условиях. Л., 1969.
14. Киященко Н. К. Апробация варианта методики ТАТ. — В кн.: Вопросы экспериментальной патопсихологии. М., 1965.
15. Коган В. М., Роговин М. С. Проективные методы в современной зарубежной психологии личности и патопсихологии. — “Невропатология и психиатрия им. С. С. Корсакова”, 1964, т. 64, вып. 4.
16. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
17. Лунц Е. Я. О возможностях прогноза психосоматических заболеваний по данным проективной методики. — В кн.: Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Тбилиси, 1978.
18. Норакидзе В. Г. Методы исследования характера личности. — “Мецниереба”, 1975.
19. Реньге В. Э. Методика тематического теста. — В кн.: Дридзе Т. М. Реньге В. Э. Психология общения. Рига, 1979.
20. Ротенберг-Ойзерман Е. Т. О некоторых направлениях в исследовании восприятия. — “Вопросы психологии”, 1971, № 2.
21. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
22. Савенко Ю. С. К обоснованию некоторых методик по изучению личности. — В кн.: Проблемы личности. М., 1969.
23. Савенко Ю. С. Проективные методы в исследовании бессознательного. — В кн.: Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Тбилиси, 1978.
24. Соколова Е. Т. О некоторых аспектах применения ТАТ для исследования личности. — В кн.: Вопросы диагностики психического развития. Таллин, 1974.
25. Соколова Е. Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.
26. Соколова Е. Т. О психологическом содержании понятия “когнитивный стиль” и его использовании в исследовании личности. — В кн. Личность и деятельность (тез. докладов к V Всесоюзному съезду психологов). М., 1977.
27. Соколова Е. Т. К теоретическому обоснованию проективного метода исследования личности. — В кн.: Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Тбилиси, 1978.
28. Столин В. В. Внутренние преграды и конфликтные личностные смыслы. Тезисы Ереванской региональной конференции Общества психологов. Ереван, 1980.
29. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М., 1925.
30. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925.
31. Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.
32. Цуладзе С. В. О месте и значении проекционных методов в изучении личности. — В кн.: Проблемы личности. М., 1969.
33. Ядов В. А. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования. — “Вопросы философии”, 1966, № 10.
34. Abt L., Bellak L. (eds.) Projective psychology. N. Y., 1950.
35. Allport G. W. The Ego in contemporary psychology. — “Psychol. Rev.”, 1943, v. 50.
36. Anastasi A. Psychological testing. N. Y., 1961.
37. Anzieu D. Les methodes projectives. Paris, 1960.

38. Arnold M. B. Story sequence analysis. N. Y., 1962.
39. Bellak L. The concept of projection. — "Psychiatry", 1944, v. 7.
40. Bellak L. The T.A.T., C.A.T and S.A.T. in clinical use. N. Y., 1978.
41. Blum L. H., Davidson H. H., Fieldsteel N. D. A. Rorschach workbook. N. Y., 1972.
42. Bruner J. S. Perceptual theory and the Rorschach test.—"J. of Pers.", 1948, v. 17.
43. Bruner J. S. and Postman L. An approach to social perception. In: W. Dennis (ed.) Current trends in social psychology. Pittsburgh, 1948.
44. Draguns J. G. Haley E. M., Phillips L. Studies of Rorschach content: a review of the research literature.—"J. proj. tech.", 1967", v.31, 1-2;19ee,v. 32, 1—2.
45. Eriksen C.W. The case for perceptual defense. — "Psychol. Rev.", 1954, v. 61.
46. Eriksen C. W. and Lazarus R. S. Perceptual defense and projective tests.—"Supplement to Journal of abn. and soc. psychol.", 1952, v. 47.
47. Eriksen C, W. and Pierce J. Defense mechanisms. In: L. F. Borgatta and W. Lambert (eds.). Handbook of personality theory and research. Chicago, 1968.
48. Frank L. K. Projective methods for the study of personality. — "J. of psychol.", 1939, v. 8.
49. Freeman F. S. Theory and practice of psychological testing. New Delhi, 1971.
50. Freud A. The Ego and the mechanisms of defence. N. Y., 1946.
51. Gardner R. W. et al. Cognitive control: a study of individual consistencies in cognitive behavior. N. Y., 1959.
52. Handbook of projective techniques (ed. by L. Murstein). N. Y., 1960.
53. Hartman H. Ego psychology and the problem of adaptation. In: D. Rapaport (ed.). Organization and pathology of thought. N. Y., 1951.
54. Holmes D. S. Dimensions of projection. — "Psychol. Bull.", 1968, v. 69.
55. King G. F. A theoretical and experimental consideration of Rorschach Human movement response. — "Psychological monographs general and applied", 1958, v. 72.
56. Klein G. S. Perception, motives and personality. N. Y., 1970.
57. Klopfer D., Davidson H. The Rorschach technique: an introductory manual. N. Y., 1962.
58. Laplanche J., Pontalis J. B. Delimitation du concept freudien de projection. — "Bull. de psychol.", 1963, v. 225.
59. Lazarus R. S. A substitutive-defense conception of apperceptive fantasy. In: J. Kagan and G. S. Lesser (eds.) Contemporary issues in thematic apperceptive methods. Springfield, 1961.
60. Lazarus R. S., Eriksen C. W. and Fonda C. P. Personality dynamics and auditory perceptual recognition. — "J. of Personality", 1951, v. 19.
61. Levin K. A dynamic theory of personality Selected papers. N. Y., 1935.
62. Levine R., Chein I. and Murphy G. The relation of the intensity of a need to the amount of perceptual distortion. — "J. Psychol.", 1942, v. 13.
63. Loosli-Ustery M. Manual pratique du teste de Rorschach. Paris, 1965.
64. McClelland D. C, Atkinson J. W. The projective expression of need: I. The effect of different intensities of the hunger drive on perception.—"J. of Psychol.", 1948, v. 25.
65. Morgan C., Murray H. A. A method for investigation fantasies.—"Neurol. Psychiatr.", 1935.
66. Mucchielli R. La notion de projection.— "Bull. de psychol.", 1963, v. 225.
67. Murray H. Explorations in personality. N. Y., 1938.
68. Murray H. Thematic Apperception Test Manual. Cambridge, 1943.
69. Murray H. Preparation for scaffold of a comprehensive system. In: S. Koch (ed.) Psychology: a study of a science. N. Y., 1957.
70. Murstein B. J., Pryer R. S. The concept of projection: a review. — "Psychol. Bull.", 1959, v. 56.

71. Rapaport D. et al. Diagnostic psychological testing. Chicago, 1945—46.
72. Rapaport D. The collected papers of David Rapaport. N. Y., 1967.
73. Rorschach H. Psychodiagnostik. Bern und Leipzig, 1921.
74. Rotter B. Clinical psychology Prentice-Hall Inc. 1964.
75. Sanford R. N. The effect of abstinence from food upon imaginal processes. A further experiment — “J. of Psychol.”, 1936, v.3.
76. Sargent H. Projective methods: their origin, theory and application in personality research.— “Psychol. Bull.”, 1945, v. 42.
77. Schafer R. Psychoanalytic interpretation in Rorschach testing: theory and application. N. Y., 1954.
78. Sechrest L. Testing, measurement and assessing people. In: L. F. Borgatta and W. W. Lambert (eds.). Handbook of Personality theory and research. Chicago, 1968.
79. Sjoback Hans. The psychoanalytic theory of defensive processes. Lund, 1973.
80. Tomkins S. S. The thematic apperception test. N. Y., 1947.
81. Vernon P. E. Personality assessment. A critical survey. L., 1969.
82. Witkin H. A. et al. Personality through perception. N. Y., 1954.
83. Witkin H. A. et al. Psychological differentiation. N. Y., 1974.